

АБСОЛЮТНОЕ
ОРУЖИЕ

АЛЕКСЕЙ
ЕВТУШЕНКО

ОТРЯД-4
БИТВА ЗА НЕБЕСА

Алексей Анатольевич Евтушенко

Отряд-4. Битва за небеса

Серия «Отряд», книга 4

*Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=256602
Алексей Евтушенко: Эксмо; Москва; 2009
ISBN 978-5-699-38741-0*

Аннотация

Галактика идет вразнос. То в одном месте – война, то в другом – экспансия, то в третьем – пандемия смертельной болезни. Мартину Станкевичу и его команде, какими бы квалифицированными и опытными Хранителями Миров они ни были, какой бы фантастической техникой ни снабжала их Пирамида, – просто на всё не хватает сил. Им требуется помощь. И она приходит. Знаменитый Отряд, которым командуют лейтенант Александр Велга и обер-лейтенант Хельмут Дитц, чьи бойцы были когда-то непримиримыми врагами на полях Второй мировой, но стали боевыми товарищами в боях космического масштаба, подключается к непростой миссии «потомков». Однако чтобы навсегда устранить следствие, необходимо отыскать причину. И это-то как раз оказывается самым сложным...

Содержание

Предисловие автора	4
Часть первая. Разведка боем	6
1	6
2	18
3	32
4	46
5	61
6	74
7	90
8	103
9	117
Конец ознакомительного фрагмента.	121

Алексей Евтушенко

Отряд-4. Битва за небеса

«Откуда ты знаешь? Может быть, он пятьдесят раз выполнял такие задания. Нет, сказал он. Будь точен. Такое никому не сделать пятьдесят раз. Даже и пять раз. Может быть, даже и один раз не так-то просто».
Эрнест Хемингуэй. «По ком звонит колокол»

*Памяти моего друга Геннадия Жукова,
разведчика иных миров, посвящается.*

Предисловие автора

Идея этой книги пришла ко мне, когда я писал «Солдат Вечности». Дело в том, что команда Мартина Станкевича, приключения которой начались в «Страже Реальности» и продолжились в «Солдатах Вечности», явно стала нуждаться в квалифицированной помощи. Уж больно много всего навалилось на Влада Борисова, Марту Явную, Женю Аничкина, Машу Князь, Никиту Веденеева, Олю Ефремову, Свему Одиночку и самого Мартина. Они, конечно, ребята энергичные и опытные, да мало их. А ответственность велика неимоверно и, с учетом новых обстоятельств, продолжает возрас-

тать. Разделить же ее с коллегами из российской Стражи или Дозора Сибири Казачьей не получается. И не только потому, что у этих организаций на Земле и Альтерре возникло полно своих проблем, а... Впрочем, я увлекся. Все уже описано, незачем повторяться. Проще прочесть эти книги или поверить автору на слово.

Итак, помощь требовалась. И она пришла, откуда я и сам не ожидал. В лице лейтенанта Красной Армии Александра Велги, обер-лейтенанта вермахта Хельмута Дитца, рядовых Валерки Стихаря, Руди Майера, Михаила Малышева, Курта Шнайдера, сержанта Сергея Вешняка и ефрейтора Карла Хейница, белой колдуньи Ани Громовой (ныне Малышевой) и феи Нэлы. Тем, кто читал трилогию «Отряд», наверняка знакомы эти имена. Те же, кто не читал, надеюсь, узнают и полюбят моих героев.

Разумеется, о том, что получилось, судить в первую очередь читателю. Я лишь замечу, что возвращение Отряда порадовало меня, как радует встреча со старыми друзьями, которых давно не видел. Хочется, чтобы и вы поделили со мной эту радость.

Ваш Алексей Евтушенко

Часть первая. Разведка боем

1

Первым со стаканом в руке поднялся Хельмут Дитц. Оглядел гостей светлыми, прозрачными серо-голубыми глазами, и шум за столом как-то очень быстро утих. Сам собой.

— Мы, немцы, не очень любим и умеем произносить тосты, — негромко, но так, что все услышали, сказал обер-лейтенант вермахта. — «Прозит» обычно вполне нас устраивает. Но сегодня случай особый, и поэтому я приготовил не просто тост, но речь. В этот прекрасный летний день — я уверен, что он был прекрасным! — ровно двадцать пять лет назад родился мой друг и боевой товарищ, лейтенант Красной Армии, Александр Иванович Велга. Для меня и многих, здесь присутствующих, просто Саша. Я не очень хорошо знаю, как он прожил большую часть своей жизни. Кого любил, с кем дружил, о чем мечтал. Мы знакомы всего год. Судьба свела нас в тот момент, когда наши великие страны — Германия и Россия вели друг с другом одну из самых страшных и кровопролитных в истории человечества войн. Само собой, мы были врагами. Смертельными врагами. Если бы тогда, летом сорок третьего года, кто-нибудь сказал мне, что лейтенант Красной Армии, командир взвода разведки, очень ско-

ро станет моим лучшим другом – человеком, за которого я, не задумываясь, отдам свою жизнь, я бы счел предсказателя или пьяным фантазером, или откровенным провокатором. И ошибся бы. Потому что именно так все и случилось. И те последующие месяцы, что я провел рядом с Сашей, были, скажу откровенно, самым ярким, запоминающимся и дорогим временем в моей жизни. Я не буду сейчас вспоминать всего того, что нам довелось вместе преодолеть. Пока рановато, мы еще и первую не выпили. Скажу только, что каждое мгновение этого трудного пути я твердо знал – из любого положения мы найдем выход, и моя спина всегда будет надежно прикрыта, пока рядом со мной идет Александр Велга – отличный солдат и настоящий друг. С днем рождения, Саша! С днём рождения, дорогой!

Хельмут Дитц отсалютовал смущенному имениннику стаканом, в котором плескался крепкий, тройной очистки самогон местного производства, залпом выпил, сел на место и сочно, с хрустом, закусил соленым огурцом.

– Браво! – рявкнул Руди Майер и последовал примеру своего командира.

– Ур-ра! – заорал Валерка Стихарь, чокаясь с Велгой и всеми сидящими рядом с таким энтузиазмом, что прозрачная жидкость в его стакане опасно заколыхалась, чуть не выплескиваясь наружу. – С днем рождения!

«С днем рождения, товарищ лейтенант!», «Поздравляем!», «С днем рождения, Александр Иванович!» понеслось

со всех сторон, и Александр Велга, вглядываясь в обращенные к нему радостные улыбающиеся лица старых и новых друзей, подумал, что решение отметить двадцатипятилетие было, пожалуй, верным.

Впрочем, если б не друг Хельмут, никакого широкого празднования, скорее всего, не случилось бы.

В первую очередь потому, что Саше и в голову не пришла бы мысль устраивать гульбище по поводу прожитой четверти века. Он вообще не привык к тому, что нужно праздновать свой день рождения. Может быть, из-за того, что последние два встретил в окопах на фронте, и они пришлись аккурат на то время, когда думать нужно было не о том, что ты в этот день родился, а о том, как бы тебя в этот день не убили. Если же заглядывать дальше в прошлое, то там обнаруживалась небогатая на развлечения суровая курсантская юность за высоким забором пехотного училища. А перед этим десятилетка в Москве.

Да, пожалуй, только в школьные времена благодаря родителям у него случались *правильные* дни рождения. С подарками, гостями и накрытым столом.

Но с тех счастливых времен прошло уже восемь лет – настоящая вечность для любого, кто молод. С учетом же двух лет войны и всего того, что случилось с ним и его товарищами после той памятной ночи накануне Курской битвы, – две вечности.

Хельмут Дитц связался с ним по радиии ровно десять дней

назад в условленное время – девятнадцать часов по московскому и семнадцать по берлинскому.

Примерно за два месяца до этого, когда отряд русских и немцев избавил сначала Россию, а затем и Европу от власти новоявленного машинного разума (остальные части света, следуя их примеру, освободились сами – благо, это было уже не так трудно) и Александр Велга, Валерий Стихарь, Михаил Малышев и Сергей Вешняк решили возвращаться в Подмоскovie, боевые товарищи договорились поддерживать постоянную радиосвязь. Что при наличии у них «Ганса» и «Маши» – удивительных полумашин-полусуществ, подаренных отряду Распорядителем, не составляло ни малейшей проблемы. Точное время, как и дни недели – среду и субботу – обговорили сразу и тепло расстались. Думали, что надолго, оказалось – не очень. Хотя, как выяснилось, за эти почти два месяца разлуки успели здорово соскучиться друг по другу.

– «Ганс» вызывает «Машу», «Ганс» вызывает «Машу», – раздался тогда, десять дней назад, в наушниках Велги знакомый голос. – На связи Хельмут Дитц. Прием.

Дальнейший разговор протекал примерно следующим образом.

– Привет, Хельмут. Велга на связи. Как дела, старый хрыч?

– Хе-хе. Хорошо, что ты помнишь, кто из нас старше. Рад тебя слышать, Саш.

– И я тебя, дружище.

– Отвечаю на вопрос. Дела все переделаны, парни начинают откровенно скучать. И я вместе с ними.

– Так уж и все. Вы что, успели за это время снова объединить Германию, не говоря уж о Европе? Что-то мне не верится. Мы вот только-только серьезные переговоры с соседними племенами начали на эту тему, и конца им не видно. Проклятая натура человеческая – однажды вкусивший власти, добровольно от нее не откажется.

– То же и здесь. Просто удивительно, как быстро Великая Германия снова распалась на кучу мелких княжеств. И всякий князек мнит себя по меньшей мере императором Вильгельмом Вторым.

– Это тот, который начал Первую мировую войну?

– И ты туда же. Начитался пропаганды... Если бы не эти высокомерные любители овсянки и жадные лягушатники, все могло пойти совсем иначе. Да и вы, русские, тоже были хороши, если честно.

– Тю на тебя. Опять русские во всем виноваты.

– А, не обращай внимания. Это всё хандра. Говорю же – скучно. Не знаю, как тебе, а мне с парнями во все эти мелкие политические дразги, которые наверняка не обойдутся без крови, влезать неохота. И даже противно.

– Так и не лезьте.

– Стараемся. Но на нас давят. Мы все-таки здесь сила. Не забывай.

– Забыть об этом трудно. Но нам, наверное, легче, у нас

есть Леонид Макарович. Личность вполне самодостаточная и редкая. Власть для него всего лишь инструмент, но никак не повод для самообожания. Мы ему только помогаем, а он нам не мешает.

– Да, Макарыч – достойный мужик. Хотя и бывший журналист. Значит, у вас все хорошо?

– А вы приезжайте в гости, сами увидите.

– Отличная мысль! Я тебя за язык не тянул. Кстати, и повод есть.

– Тебе обязательно нужен повод, чтобы встретиться?

– Не обязательно. Но, тем не менее, он есть.

– И что за повод?

– Очень веский. Тебе, если я правильно помню, через десять дней исполняется двадцать пять лет. Я не ошибся?

– Ни хрена себе, память у некоторых. А ведь и правда исполняется...

Вот так, слово за слово, они и договорились, что Велга организует застолье, а Хельмут Дитц, Рудольф Майер, Курт Шнайдер и Карл Хейниц приедут его поздравить, а заодно и повидаться со всеми.

И теперь весь отряд, а также чуть ли не половина племени Леонида Макаровича и приглашенная делегация Охотников сидели под навесом на свежем воздухе за составленными буквой «П» щедро накрытыми столами.

Вот они, рядом.

Старина Хельмут Дитц. Обер-лейтенант вермахта. Неко-

гда смертельный враг, а ныне закадычный друг. Длинный, худощавый, блондин-саксонец родом из Дрездена. Великий циник и не менее великий романтик. Фаталист и большой ценитель женщин, умеющий добиться взаимности. Всегда доводит начатое дело – будь это бой или дружеская пирушка – до конца.

Рядовой Валерка Стихарь. Неунывающий синеглазый ростовчанин. Невысокий, ладный и ловкий, со стороны похож на подростка. Отлично метает нож. Временами нахальный до наглости и бесшабашный до дурости. За словом и шуткой в карман не полезет. С ним, если и пропадешь, то с музыкой.

Рудольф Майер. Руди. Тоже рядовой, пулеметчик. Родом из Гамбурга, бывший докер. Сильный, широкоплечий крепыш с прямыми черными волосами. Всегда считает, что дальше будет только хуже, но готов, если надо, противостоять хоть богу, хоть дьяволу. Упрямый ворчун с добрым сердцем.

Миша Малышев, рядовой. С Дальнего Востока. Двухметровый богатырь, таежный охотник. Кому-то может показаться неуклюжим, но это обманчивое впечатление. Обладает силой и ловкостью медведя, попадет из обычной трехлинейки в пятикопеечную монету с пятидесяти метров. Дружелюбный мечтатель.

Курт Шнайдер, опять же рядовой. Рыжеволосый, зеленоглазый, жилистый и выносливый. Злой в бою и в работе. Заводится с пол-оборота и по любому вопросу имеет собствен-

ное мнение. Храбрый и умелый солдат.

Сержант Сергей Вешняк с Рязанщины. Старше всех в отряде – в этом году ему исполнится тридцать лет. Основательный немногословный крестьянин. Надежный, как сама земля. Простодушен и мудр той самой мудростью, которую принято называть народной. Верит в бога, но свою религиозность напоказ не выставляет. Скромнен в быту, нестигаем в бою.

Ефрейтор Карл Хейниц. Худой веснушчатый берлинец, бывший студент. Очень любознателен, старается досконально разобраться в любом вопросе. Аккуратен, хорошо воспитан. Разговаривает вежливо, стреляет точно. На рожон не полезет, но без приказа не отступит. Единственное, чего он слегка побаивается, – это женщины.

И, наконец, Аня Громова. Нынче Малышева. Наша белая колдунья, травница и теперь уже жена Миши. Три месяца назад родила прелестную дочурку. Красивая, добрая и умная. Идеал женщины, повезло нашему таежному медведю, что и говорить.

Это был тот самый стол, за которым они сидели почти год назад и впервые слушали рассказ вождя племени о том, что произошло на этой Земле.

Только в тот раз, припомнил Велга, держались мы плотной группой, опасаясь внезапного нападения или другой какой неожиданности. А теперь боевые друзья-товарищи явно расслабились и чувствуют себя в полной безопасности.

Оно и правильно. Серьезные проблемы устранены нашими же силами, и новые, хочется надеяться, в ближайшее время не возникнут. Вот и славно. Значит, сегодня гуляем, а завтра день сам покажет, чем заняться.

Тосты за здоровье именинника следовали один за другим, и где-то после шестого Велга начал половинить, чтобы окончательно не захмелеть. Даже при наличии обильной и разнообразной еды-закуски свекольный самогон, произведенный умельцами из племени Леонида Макаровича, был способен лишить ориентации в пространстве и выбить с нравственных позиций кого угодно. Даже прошедших огонь, спирт и воду храбрых разведчиков Второй мировой войны.

Кстати, о тостах, подумал Велга. Самое время сказать ответный, а то как-то неудобно получается. Он плеснул себе в стакан и поднялся.

– Слово предоставляется имениннику! – немедленно сообщил Дитц. – Говори, Саша. Очень надеюсь, что ты не станешь нас благодарить. А то мы подумаем, что уже тебе надоели.

– Черт с вами, – согласился Велга. – Тем более что я вам и так ежедневно благодарен за то, что вы есть. Но вот выпить отдельно за здоровье нашего хозяина Леонида Макаровича я предлагаю всем. Потому что, если бы не он, вряд ли бы мы сидели сейчас за этим столом и чувствовали себя как дома в самом прямом и приятном смысле этих слов. За вас, Леонид Макарович!

Велга чокнулся через стол с вождем.

– Спасибо, Саша, – растроганно сказал тот. – Я рад, что вам здесь хорошо.

– А уж как мы этому рады, Макарыч, и передать невозможно! – воскликнул Валерка Стихарь. – Ты для нас прям как отец родной, век мне левбердона не видать! За тебя!

И ростовчанин лихо опрокинул в рот содержимое стакана.

– Ну, все, – заметил негромким баском сидящий рядом с Велгой отец Пётр, накладывая себе на тарелку жареной свинины с хреном. – Раз Валера начал поминать левый берег Дона, значит, чинная часть застолья подошла к концу, и теперь начнется наша русская гульба.

Православный священник оказался прав. Тост, произнесенный Велгой, оказался последним тостом, которые присутствующие выслушали хотя бы с относительным вниманием. После этого общее веселье достигло той стадии, когда любые попытки внешнего управления теряют смысл и остается только расслабиться и отдаться естественному течению праздника душой и телом. Так Велга и поступил...

Левая рука затекла.

Он открыл глаза, повернул голову и в новорожденном свете утра разглядел длинные ресницы, припухлые губы и волосы, светлой волной укрывающие шею и частично грудь. Грудь была восхитительно хороша. Впрочем, как и все остальное.

Ага. Все правильно. Теперь вспомнил. Очень мило...Как

же ее зовут? Вроде бы Таня. Или Тая? Нет, все-таки Таня. Танюша, Танечка. Охотница, лесная девушка. Пришла вместе с делегацией Охотников, которая специально явилась поздравить меня с днем рождения. Уважают. Это приятно. И хорошо, что Охотница. Они девушки независимые и делают то, что считают нужным. Значит, меньше проблем. Хотя, признаться, было изумительно. Было так изумительно, как давно не было. Нет, но какова нахалка! Пришла, увидела, э-э... полюбила.

Велга осторожно, чтобы не разбудить девушку, высвободил онемевшую левую руку и, растирая ее правой, сел на постели. Сон улетучился окончательно. Голова казалась на удивление ясной.

Странно, вроде бы выпил вчера немало, а похмелья никакого. Вот что значит хорошая закуска. Или это искусство прелестной Татьяны? Они, лесные, владеют тайными лекарскими приемами. В подарок за любовь излечила от похмелья. Тем более, я ночью вроде бы не подкачал.

Саша еще раз припомнил то, что случилось ночью.

Точно не подкачал. Был на высоте. Так ему, во всяком случае, показалось. Ладно, похмелья нет – это хорошо. Но чего же не спится? Сейчас, судя по всему, около пяти утра. А легли мы... Где-то после одиннадцати. Точнее, сначала уединились, а затем уж и легли.

Он встал, подошел к столу и попил воды из алюминиевой кружки, предусмотрительно оставленной там с вечера. В ле-

вой руке забежали колючие искры.

Ага, жизнь возвращается... Но что ж меня все-таки подняло в такую рань?

Велга взял со стола часы, посмотрел на циферблат.

Так и есть. Пять минут шестого. Рыбу только ловить в такую рань. Может, я вчера договорился с кем-то по-пьяни сходить на рыбалку и забыл об этом? Смешно.

Он влез в штаны, прихватил со стола пачку сигарет, зажег и вышел на крыльцо. Сел, закурил. Отсюда хорошо виден навес, под которым вчера были накрыты столы. Они и теперь там стояли. Чисто убранные и вымытые. За одним из них спиной к Велге сидел человек и, как показалось Саше, пил чай. С такого расстояния – от крыльца до навеса около сотни метров – трудно было узнать, кто это, но лейтенант с удивлением отметил, что его сердце дрогнуло, словно предчувствуя в ближайшие дни, а возможно, и часы неожиданные изменения в жизни и судьбе. Такое уже с ним бывало неоднократно, и Велга только подумал, что надо бы умыться, обуться, набросить рубашку – все-таки это летнее утро жарким не назовёшь – и сходить под навес попить чаю, как человек обернулся и призывно махнул ему рукой.

В палате, куда их привели, царили мягкий полусвет, льющийся из забранных цветными витражами окон, и та прохлада, которая достигается не при помощи кондиционеров, а лишь благодаря искусству строителей.

– Чем богаты, – сказал князь и мановением руки отпустил прислугу. – Прошу, гости дорогие, не стесняйтесь.

В палате осталась лишь охрана у дверей – двое рослых мечников в длинных, почти до колен, кольчугах. А за обширным столом, где запросто могла бы поместиться пара сотен человек, расположился сам Вершинный князь Брашена и народа рашей Дравен Твердый, Влад Борисов, Свем Одиночка и все десять киркхуркхов – пятиглазых и семипалых уроженцев планеты Дрхена во главе с командиром Млайном.

Влад, сидящий по правую руку от князя – тот быстро понял, кто главный среди его гостей, – оглядел угощение. Кувшины с вином, жареное мясо, сыр, хлеб, какая-то зелень, чашки с соусом. Или чем-то весьма похожим на соус.

Черт, как бы не обидеть князя...

Дравен уже наполнил вином свой золотой кубок.

– Прошу нижайше простить, великий... вершинный князь, – решился Борисов. – Но разреши сначала проверить еду и вино. Все мы пришли сюда из другого мира, и то, что полезно для айредов, может быть отравой для нас. Надеемся

на твою мудрость и понимание.

Несколько мгновений князь молчал.

«Не слишком ли подобострастно вышло? – подумал Влад. – Или, наоборот, грубо? А, черт, плевать. Будь, что будет. Нельзя же, в самом деле, все время уповать на авось. Помнится, на Жемчужине мы рискнули, и риск оправдался. Но если есть возможность его избежать... Тем более, с нами киркхуркхи, чей метаболизм и вовсе отличается от человеческого».

– Твои слова разумны, иноземец, – наклонил голову Дравен. – И на вашем месте я поступил бы так же. Проверь. Тем более что мне интересно, как ты это сделаешь.

Этими приборчиками, размером в брелок от ключей, перед самым отбытием снабдила спасательную экспедицию Маша Князь. Сама она, в свою очередь, нашла их в списке медицинского оборудования по запросу к ЦМП – центральному мозгу Пирамиды или Циле Марковне Перпельпихтер, как однажды в шутку назвал его Мартин Станкевич и имя закрепилось. Принцип работы такого приборчика (острослов Женька Аничкин окрестил его «ядомером») был довольно сложен, а результат прост. Стоило после индивидуальной настройки поднести ядомер к любому продукту, употребляемому в пищу, как загорался индикатор. Зеленый – есть можно. Красный – нельзя. Желтый – если очень хочется, то можно, но лучше не надо. При этом, приборчик легко настраивался на любое белковое теплокровное млекопитающее вне

зависимости от того, обладает оно разумом или нет. Очень полезная вещь. Особенно в дальнем и опасном походе, когда запасы питания, взятые с собой, ограничены.

После короткой проверки, оказалось, что Владу и Свему можно было есть и пить все на этом столе (правда, еще перед началом застолья Борисов успел шепнуть первобытному охотнику на ухо предупреждение, чтобы тот был с вином как можно аккуратнее – организм Свема Одиночки не был привычен к алкоголю). А вот киркхуркхам от употребления зелени и соуса стоило воздержаться.

– За здоровье дорогих гостей, – провозгласил князь. – Обычно за этим столом первая здравица провозглашается в мою честь, но сегодня я нарушу заведенный порядок. Не знаю, откуда вы пришли, но пришли как нельзя кстати. Слишком много бед обрушилось на мой народ в последнее время. И ваше появление – уже второе событие, которое внушает надежду.

Все выпили и потянулись к еде.

Хорошее вино, отметил про себя Влад. Да и мясо и все остальное не хуже. Надо же, сижу за столом у самого настоящего князя. Чуть ли не древнерусского. В том смысле, что обстановка подходящая, насколько я могу судить. Включая одежду, архитектуру и оружие. Кто бы мог подумать...

Он протянул руку, долил в свой – по виду серебряный – кубок вина и поднялся. Пора было произносить ответный тост. А в том, что правила вежливости похожи во всех мирах

и временах, Борисов не сомневался.

– Предлагаю поднять кубки с этим прекрасным вином за нашего гостеприимного хозяина, Вершинного князя славного народа рашей и города Брашена Дравена Твердого, – торжественно провозгласил он. – Многая лета ему, крепкого здоровья, счастья и процветания его народу. Да минуют, как сон, лихие времена и наступят времена благодатные!

Снова выпили и отдали должное мясу, сыру и хлебу.

– Что ж, – промолвил через некоторое время Дравен, отодвигая от себя тарелку и вытирая губы полотенцем. – Спасибо на добром слове. Пусть услышит твои слова господь наш, принявший смерть на колесе за грехи наши и воскресший на третий день. – Он поднял глаза к потолку, и, повернув к себе ладонь правой руки, очертил по часовой стрелке круг. – Услышит и проявит милость. А теперь давайте поговорим о насущном. То есть о вас. Кто вы, откуда и зачем пришли в Брашен?

– С удовольствием отвечу на все ваши вопросы, Вершинный князь, – начал было Влад, но Дравен остановил его жестом.

– Давай-ка без чинов и званий, Влад. Вы, как я понимаю, здесь не с официальным посольством. Да и я не в том положении, чтобы соблюдать этикет. Зови меня просто – князь или Дравен. А то мы до вечера тут просидим.

– Очень хорошо, – согласился Борисов. – Спасибо... Дравен. Тем более, я не силен в каких бы то ни было этикетах и

привык говорить на равных со всеми.

– Свободный и смелый человек так и должен говорить, – сказал князь. – Глуп тот правитель, который не понимает этого.

– Прежде чем ответить на твои вопросы, – сказал Влад, – я хотел бы услышать ответ на один мой. Тогда я смогу понятнее выстроить свой рассказ.

– Задавай свой вопрос.

– Скажи, – чуть подумав, спросил Влад. – Тебе известна теория о том, что во Вселенной могут быть и другие миры, подобные Лекте, на которых живут айреды или существа, очень похожие на вас?

Князь нахмурился, взял кувшин и молча долил вина. Сначала в кубок Владу, а после в свой.

Слава богу, кажется, я его не слишком шокировал, подумал Влад.

– Давно, в пору моего отрочества, о чем-то похожем рассказывал один заезжий ученый человек с юга, – отхлебнув вина, промолвил Дравен. – Путешественник. Он даже подарил мне старинную книгу, в которой, якобы, написано об этом. Книга до сих пор должна быть в моей библиотеке. Но хранитель библиотеки вместе с помощником умерли – их, как и многих других, забрала Ржавая Смерть, и теперь спросить не у кого.

– А что именно рассказывал этот путешественник? – глотнув из кубка по примеру Дравена, поинтересовался Влад.

– Это уже второй вопрос, – усмехнулся князь. – Но так и быть. Он говорил удивительные вещи. Например, о том, что земля, на которой мы живем – Лекта, – имеет форму шара и вращается вокруг солнца, а не наоборот. Я даже помню, как он рассказывал про исчезающие мачты корабля, который уходит все дальше в море. Но я никогда не видел моря, не довелось. Мой дед доплывал до него с дружиной, отец тоже. А я... ладно, не о том сейчас речь. Ещё он рассказывал, что каждая звезда на небе – это такое же солнце, как наше. И вокруг этих мириадов солнц вращаются такие же, как Лекта, гигантские шары, на многих из которых, очень возможно, есть жизнь. А раз есть жизнь, то, опять же, вероятно, их могут населять и такие же существа, как мы, айреды. Помню, эти фантазии страшно меня увлекали какое-то время. Но потом я вырос, занялся серьезными делами и забыл о них. Даже если вселенная устроена так, как он говорил, это никаким образом не влияет на нашу жизнь. Звезды далеко – не дотянешься. А почему ты спросил меня об этом?

– Потому что, не будь тебе эта теория знакома, трудно было бы объяснить, откуда пришел я и мои товарищи.

– Так-так, – Дравен с кубком в руках откинулся на высокую спинку кресла и забросил ногу за ногу. – Не хочешь ли ты сказать, что вы пришли... оттуда? – Он на секунду поднял глаза к потолку и снова заинтересованно уставился на Влада. – С одного из этих предполагаемых миров?

– Они не предполагаемые, князь, – сказал Влад. – Они

существуют на самом деле. И мы пришли с одного из них, ты верно догадался.

– Тогда почему вы такие разные? – Дравен подался вперед. – Вы, – он ткнул пальцем во Влада и Свема, – похожи на нас, айредов и друг на друга. Но вот товарищи ваши.... – он покачал головой, – не в обиду будет сказано, в похмельном сне не приснятся.

– Дело привычки, – не удержался Млайн. – Вы, люди и айреды, тоже нам, киркхуркхам, поначалу казались сплошным кошмаром. А потом ничего, притерпелись.

– Это верно, – согласился Дравен. – Айред ко всему привыкает. Но я не получил ответа на свой вопрос.

– Все просто, – сказал Влад. – Изначально мы из разных миров. Но судьба забросила нас на один. Оттуда мы и явились.

– Допустим, – сказал князь. – Можно даже сказать, что я вам поверил. Ваш вид, а также снаряжение и оружие, каких просто не бывает, – все это подтверждает ваши слова. Хотя, признаюсь, звучат они совершенно невероятно и ошеломляюще. Но тогда возникает следующий вопрос. Зачем вы явились к нам? С какой целью?

– А как вы сами думаете, князь? – позволил себе усмехнуться Влад.

– На завоевателей вы не похожи, – принялся рассуждать вслух Дравен. – Уж больно вас мало. Тут и ваше чудесное смертоносное оружие не поможет. Хм... Разведка пе-

ред вторжением основных сил? Но тогда непонятно, зачем вы нам помогли против этих тварей с неба. Помогли, рискуя собственной жизнью, я видел. Кстати, по поводу этих тварей нам тоже надо не забыть побеседовать. Чую я, что дело еще не закончилось... – Он задумчиво прихлебнул из кубка. – Остается два варианта. Или простое любопытство путешественников, или вы сознательно пришли нам на помощь. Мне бы хотелось выбрать второе, но в этом случае я никак не возьму в толк, зачем вам это надо и откуда вы прослышали о нашей беде. Или... вы не знали о ней?

– Вы говорите о Ржавой Смерти?

– О ней. Твари появились лишь сегодня, одновременно... Эй, погодите, – Дравен со стуком поставил кубок на стол, и в его голосе прорезались мрачные нотки. – Уж не связано ли как-то их появление с вами? В такие совпадения трудно поверить.

– Я думаю, связано, – спокойно ответил Влад. – Но лишь в той мере, что эти твари тоже прибыли из какого-то другого мира, как и мы. Но поверьте, князь, мы видим их впервые и понятия не имеем, кто они и откуда. Но надеемся выяснить в ближайшее время. Выяснить и помочь вам в борьбе с ними. Точно так же, как мы намеревались помочь вам победить Ржавую Смерть. Вы правильно догадались. Мы – спасательный отряд. Во Вселенной есть разумные силы, которые не заинтересованы в гибели расы айредов. Мы и есть представители данных сил.

– Разумные силы, которые не заинтересованы в гибели айредов, – повторил Дравен. – Расплывчатый ответ. Почему они не заинтересованы? Какое дело этим разумным силам, и вам, как их представителям, до айредов?

– Вы хотите спросить, какая нам от этого выгода? – Влад взял кубок, подумал и поставил его на место – вино оказалось вкусным, но достаточно крепким.

– Именно. Бескорыстная помощь – редчайшее явление в наши дни.

– Если я скажу, что это наша работа, такой ответ вас удовлетворит?

– За работу платят.

– Нам и заплатили.

– Кто и чем?

– Не деньгами. То, чем нам заплатили, деньгами не измеряется. А кто... Скажите, Дравен, кто и чем платит вам за вашу работу Вершинным князем рашей? Не станете же вы утверждать, что ваша жизнь – это сплошной отдых и веселье? Нет, она – тяжелый и часто неблагодарный труд. Кто и чем вам платит за этот труд? Почему вы им занимаетесь, а не удалились куда-нибудь в заморские страны, прихватив часть казны, которая по праву принадлежит вам, чтобы до конца дней своих наслаждаться покоем или, наоборот, проводить дни в знакомых увеселениях и поисках новых удовольствий?

На этот раз князь Дравен молчал дольше обычного. В какой-то момент Борисов даже пожалел, что решился на этот

монолог. Надо было как-то иначе ответить. Помягче, подипломатичнее. Соврать, в конце концов. Сказать, что со временем князь, обязательно все узнает, а он, Влад Борисов, всего-навсего командир спасательного отряда и не уполномочен вести разговоры подобного рода. Чином не вышел. И родом. Это князь бы понял. А так я заставил его думать. Мало того. Возможно, думать о таких вещах, о которых он думать не привык. Может быть, он вообще думать не привык. Хотя вряд ли. Не похож он на глупого и праздного властолюбца...

– Хорошо, – наконец, вымолвил князь. – Будем считать, что вы объяснили, а я понял. Хотя, возможно, к этому разговору мы еще вернемся. Но я привык получать ответы на все свои вопросы. Поэтому спрошу еще раз. Как вы узнали о Ржавой Смерти?

– Были сигналы, – сказал Влад. – Мы эти сигналы уловили. Это можно сравнить с дымом от пожара. Вы издалека видите клубы дыма и понимаете, что случилась беда – горит дом, деревня или целый город. Считайте, что мы тоже увидели дым. И поняли, что случилась беда.

– Ага, – кивнул Дравен. – И каким же образом вы намеревались нам помочь? Вас только дюжина. А помощь требуется сотням и сотням тысяч, если брать в расчет весь наш мир. Да, моя страна опустела – Ржавая Смерть выкосила, думаю, не меньше двух третей от всего народа. А то, боюсь, и все три четверти. То же самое, уверен, и у соседей, судя по тому, что

мы давно не получаем от них никаких вестей – ни добрых, ни дурных, – в голосе князя явственно ощущалась боль. – Но, повторяю, нас еще очень много – тех, кому нужна помощь. И еще расстояния. У вас есть крылатые кони из сказок и легенд, чтобы добраться до самых отдаленных уголков? Страна вашей велика, а Лекта – еще больше.

– Мы это знаем, князь, – сказал Влад. – Но мы и не намеревались помочь всем. Мы собираемся вылечить и научить бороться с болезнью вас. Здесь, в Брашене. А дальше вы справитесь сами. Не давай голодным рыбу, говорят у нас. Дай им сеть, и они сам себя накормят.

– У нас есть похожая пословица, – улыбнулся Дравен и сразу помолодел на десяток лет. – Что ж, расскажите, как вы собираетесь нас лечить и бороться с Ржавой Смертью.

Стараясь излагать мысли просто и кратко, Влад поведал князю о том, как возникают болезни, подобные Ржавой Смерти, и о прививках, как методе борьбы с ними. При этом привел пример из истории Земли, рассказав о чуме в средневековой Европе и знаменитой «испанке» – гриппе времен Первой мировой войны.

– И вы уверены, что этот ваш метод поможет? – осведомился Дравен с непонятной интонацией, в которой Владу почудилась скрытая усмешка.

– Абсолютно, – ответил Влад. – Мы возьмем с собой несколько больных... Разумеется, с вашего ведома и добровольцев, – быстро добавил он, заметив, как нахмурился

князь. – Понимаете, здесь у нас нет специального медицинского оборудования и сами мы не профессиональные медики. А там, у нас, мы быстро выявим болезнетворный микроорганизм, вылечим добровольцев, которые пойдут с нами, создадим сыворотку, вернемся обратно, введем сыворотку тем, кто еще здоров....

– И пока вы будете всем этим заниматься, – перебил Дравен, – мой народ вымрет окончательно. Знаете, сколько здесь, в Брашене, осталось живых и здоровых? Нет, лучше вам этого не знать.

– Это не займет много времени, – сказал Влад. – Сутки, не больше. Максимум, двое суток.

– Двое суток, – вздохнул князь. – В иных обстоятельствах это и правда, немного. Эх, чего бы вам не появиться раньше... – Он некоторое время о чем-то думал, положив подбородок на скрещенные пальцы рук. – Ладно, возможно, мы и воспользуемся вашим предложением, а пока я хочу вам кое-что показать. Пошли.

Дравен поднялся из-за стола и направился к дверям.

Влад и остальные, переглянувшись, последовали за князем.

После неяркой обеденной залы и полутемных коридоров княжьего дворца, солнечный свет заставлял людей щуриться, а киркхуркхов и вовсе прикрыть три глаза из двух нижним полупрозрачным веком. Пока шли по двору к длинному, сложенному из грубых камней, двухэтажному зданию

(второй этаж был бревенчатый, крытый двускатной гонтовой крышей), встретили несколько айредов – мужчин и женщин, судя по одежде, самого простого звания. Все они, уступая дорогу князю и его удивительным гостям, не скрывали взглядов, в которых светилось жадное любопытство пополам с надеждой.

Молодой копейщик – почти мальчик, – сидевший у дверей на низком чурбане, поднялся при их приближении. Белая полотняная повязка вокруг его головы пропиталась кровью, но он старался держаться прямо и не показывать, что копьё необходимо ему в качестве подпорки, чтобы не упасть.

– Где лекарь Йовен? – осведомился князь, останавливаясь.

– Да вон же, – копейщик показал свободной рукой в сторону крепостной стены детинца, – спит. Вымотался совсем. Сначала с больными возился, а потом дрался на стене вместе со всеми, – в голосе молодого копейщика звучало уважение.

Влад посмотрел в указанном направлении и увидел лежащего ничком в траве под стеной человека.

– Ага, – удовлетворенно сказал князь. – Давно спит?

– Как мерзость эту восьмилепую от детинца погнали, так сразу и свалился, – сообщил копейщик.

– Значит, не меньше двух часов, – определил Дравен. – Можно будить.

Заставить спящего открыть глаза удалось лишь с помощью двух ведер холодной воды, которые вылили на него, со-

проводящие князя дружинники.

– Извини, Йовен, – сказал князь мокрому и ошалевшему от такой побудки лекарю. – Но выписься потом. А сейчас ты мне нужен.

Это было красиво.

Чистого белого цвета пол, прозрачные, сходящиеся вверху четыре наклонные треугольные стены (отсюда, с высоты в два с половиной километра, открывался захватывающий вид на окрестности Пирамиды), и оранжевый, чуть приплюснутый снизу сфероид. Эдакий великанский апельсин. Объёмом в триста тысяч кубических метров, как сказал Оскар. То есть если перевести в водоизмещение, то получим те же триста тысяч. Но уже не кубических метров, а тонн. Какое там было водоизмещение у «Титаника»? Точно не помню, кажется что-то около пятидесяти тысяч. А триста тысяч – это такой себе крупнотоннажный современный танкер. Да, неслабый кораблик. Мне кажется или он и правда едва заметно пульсирует, вроде как дышит?

Не торопись, сказал я себе. И успокойся. Хочешь, покури. Чего ты вдруг разволновался, как семиклассник на школьной дискотеке, который впервые в жизни решил пригласить на танец девчонку с соседней парты? Это всего лишь звездолёт. Машина, предназначенная в основном для передвижения по галактике. Ну, пусть не совсем машина, как утверждает Оскар. И даже вовсе не машина. Все равно. Ты читал когда-то о таких или ему подобных в фантастических книжках. Смешно. Не прошло и двадцати лет, как я перестал чи-

тать фантастику, и вдруг она оказалась самой что ни на есть суровой реальностью.

Пандус начинался в десятке шагов от меня и вел в арочный проем, освещенный ярким белым светом. Ярким, но не режущим глаз.

Я в две затяжки докурил сигарету и бросил окуроч, зная, что через минуту пол его всосет, как всасывает всякий мусор на всех девяносто семи уровнях Пирамиды. Пора было идти знакомиться.

Арка входа светилась на высоте метров трех от пола, не больше. Если вход так низко, то где же двигатель? Стереотипы, Мартин, стереотипы. Ты привык, что в земных космических кораблях пользуются лифтом, чтобы попасть в кабину управления, потому что все они – ракеты, летающие на химическом топливе. А у такой ракеты, по определению, двигатель и баки с горючим должны располагаться в нижней части. Или задней – в зависимости от ориентации в пространстве. Этот же звездолет наверняка использует какой-то иной принцип движения. Хотя почему наверняка? Как еще удобнее всего двигаться в космическом пространстве, если не отбрасывать что-то (газ в различных состояниях или плазму) назад, то есть используя все тот же принцип ракеты? Под солнечным парусом? С помощью антигравитации? По каким-нибудь гипотетическим силовым линиям неизвестных нам энергетических полей? На честном волшебном, а равно и магическом слове? Ладно, господин командор, не ломай

голову. Разберемся. Точнее, Никита разберется. И потом доложит тебе в доступной форме.

Я вошел в арку и остановился, привыкая. Здесь было тепло, но не жарко. Очень светло. И еще запах. Так пахнет сад ранней весной, когда снег еще не сошел, но почки готовы раскрыться навстречу солнцу. Запах, в котором есть обещание перемен, но в то же время и доля необъяснимой тревоги. Впрочем, отчего же необъяснимой? Очень даже объяснимой. Ведь перемены – будь они к лучшему или худшему – всегда связаны с тревогами.

В пяти шагах передо мной бесшумно разошлись двери. Одновременно в разные стороны, вверх и вниз. Словно диафрагма в объективе фотоаппарата. Ага, все-таки лифт...

Позже я узнал, что Малыш умеет менять свою форму в пределах заданного объема и не в ущерб функциональности. Не только форму внешнюю, но и форму внутренних помещений и оборудования. Опять же, в заданных пределах. И руководствуется в этом представлениями своего хозяина о том, каковыми данные помещения и оборудование должны быть. Тут он был чем-то похож на саму Пирамиду. Но Пирамида управлялась искусственным центральным мозгом-сверхкомпьютером, а Малыш был живой. Большей частью. И мозг в нем тоже был живой, а не созданный искусственно, хотя свой компьютер на корабле имелся тоже...

Но все это я узнал позже, а пока удивлялся тому, насколько рубка управления не соответствует моему пониманию то-

го, как должна выглядеть рубка управления звездолёта, способного без особого труда пересечь нашу галактику Млечный Путь из конца в конец за каких-то две-три недели.

Овальная, размером с небольшой спортивный зал, в ней не было ничего, кроме одинокого кресла, расположенного, как мне показалось, точно в центре.

Да полно, рубка ли это? Однако лифт доставил меня сюда, значит... значит, это неспроста. Я огляделся еще раз, окончательно убедился, что кресло – единственный объект, достойный внимания, прошел к нему и сел. Для чего же еще предназначено кресло, как не для того, чтобы в нем сидеть, верно?

Да, удобно. И что дальше?

Ответ не заставил себя ждать.

Шлем – мечта юного футуролога – опустился сверху и повис перед моими глазами – бери и надевай. Что я и сделал.

Он пришелся точно по размеру моей головы, словно кто-то заранее снял мерку. Мало того, у меня немедленно возникло ощущение, что я в этом шлеме чуть ли не родился. Комфорт. Безопасность. И... Власть? Нет, скорее, уверенность. В себе и корабле. Я точно знал, что ничего плохого со мной здесь не произойдёт и все у нас с Малышом получится.

Если бы кто-нибудь спросил меня, откуда мне это известно, он не получил бы внятного ответа. Известно – и всё, отстаньте. Дайте сосредоточиться. Потому что мне кажется, что меня о чем-то спрашивают. Без слов. Как странно. Спра-

шивают без слов, но я понимаю. Это что-то вроде телепатии? Может быть. Попробуем перевести в слова. Это не очень точно, зато привычнее. Так. Первый вопрос, который он задал...

– Как меня зовут? – переспросил я. – Ты это хочешь узнать?

Что-то вроде утвердительного кивка головой.

– Мартин. Мартин Станкевич. А тебя?

Большой. Сильный. Добрый.

– Клёнья.

– Это значит Малыш?

Смешок и улыбка. С некоторой натяжкой ее, пожалуй, можно сравнить с улыбкой Чеширского Кота.

Чёрт возьми, похоже, нам достался корабль с чувством юмора. Даже не знаю, хорошо это или плохо. С другой стороны, собаки тоже улыбаются, но есть ли у них чувство юмора? Говорят, есть. И не только у собак.

– Да. Смешно, правда?

– Смешно. Вижу, ты умеешь говорить. Точнее, слышу.

– Немного. Это очень трудно.

– Но иногда без слов не обойтись, верно?

Молчание.

– Хорошо, Малыш, я понял. Ты готов лететь?

Согласие. Нетерпение. Счастье.

Так, наверное, чувствует себя служебный пес, засидевшийся в клетке без работы и увидевший проводника с поводком в руке...

– Я не пес. Умнее. Другой размер. Больше умею. Дольше живу.

Ишь ты...

– А как насчёт преданности?

– Приказывай.

– Ты признаешь меня своим хозяином?

– Признаю.

– И ты подчинишься моим командам?

– Да. В этом моё предназначение.

Мы разговаривали долго (больше двух часов, как потом оказалось), и я выяснил следующее.

Клёнья-Малыш не помнил и не знал, когда он появился на свет. Он думал, что родился и вырос в космосе и кто-то намеренно стёр его память перед тем, как он встретил Хозяев.

– Родился и вырос? – переспросил я. – Значит, ты не был создан?

– Не знаю. Хозяева считали, что я родился.

– Почему же Оскар сказал, что ты наполовину искусственное существо?

– Не наполовину. Меньше. Таким меня сделали уже Хозяева.

В кратком пересказе история звездолёта оказалась следующей.

Хозяева исследовали планетную систему со следами исчезнувшей цивилизации и обнаружили Клёнью на орбите спутника планеты-матери. Точнее, это он их обнаружил.

Увидел корабли, уловил мысли и чувства разумных существ. И радостно полетел навстречу. Он сделал это инстинктивно. Как много позже объяснили ему Хозяева, вероятно, далёкие предки Клёньи принадлежали к неизвестному виду высоко-развитых животных, обитающих в открытом космосе на просторах галактики. Скорее всего, уже исчезнувшему виду, поскольку ничего подобного Хозяева за тысячи лет исследования глубокого космоса не встречали. Затем некая разумная раса приручила этих животных для своих нужд. А именно – межзвездных путешествий. Что это была за раса, где она обитала и как ей удалось это сделать – тайна, которую, вероятно, уже не разгадать никогда. Во всяком случае, Хозяева сию тайну так и не разгадали. Сначала они думали, что следы исчезнувшей цивилизации, на которые они наткнулись, принадлежат той самой расе, но затем поняли, что ошиблись – уровень развития был явно не тот.

Ещё была гипотеза, что Клёнью все-таки создала или, условно говоря, «вырастила в пробирке» все та же неизвестная раса, но затем, после долгих исследований и научных споров, победу одержал первый вариант.

Как бы то ни было, Клёнья-Малыш существовал, привязался к Хозяевам, и отмахнуться от данного факта было нельзя.

Хозяева и не отмахнулись. Ещё бы. Ведь довольно скоро выяснилось, что этот живой звездолёт способен пересекать невообразимые галактические расстояния чуть ли не на по-

рядок быстрее, чем корабли Хозяев. Самое интересное, что Клёнья использовал тот же принцип гиперпространственного перехода, который открыли и применяли сами Хозяева. По теории скорость объекта, попавшего в гиперпространственный тоннель, должна быть постоянной – это только в обычном пространстве можно ползти, как улитка, или догнать луч света. Но Клёнья опровергал эту теорию самым фактом своего существования. И Хозяева так и не смогли понять, каким образом ему это удаётся. Поэтому они по своим меркам усовершенствовали Малыша, как могли, используя те же технологии, которые применяли при сооружении Пирамиды. Впрочем, даже сам Клёнья был согласен с тем, что его усовершенствовали.

– Я стал гораздо сильнее, – объяснил он. – И больше умею.

– Например? – поинтересовался я.

– Например, раньше я не мог садиться на планеты с атмосферой. Хуже запоминал. Не был вооружен. Был смертен.

– Погоди, сейчас ты, значит, бессмертен?

– Я же нахожусь в Пирамиде, как и вы.

Действительно, подумал я. Пирамида, конечно, не дарила живым существам бессмертия в полном смысле этого слова. Но обеспечивала такое здоровье и такой длительный срок жизни, что само понятие «смерть» превращалось в некую абстрактную категорию. Да, когда-нибудь она явится. Но к тому времени ты, вероятно, так устанешь жить, что будешь только рад её приходу. Разумеется, все это работало лишь

в пределах Пирамиды, вне которых любое живое существо, включая человека, быстро возвращалось к своему естественному состоянию. Но даже нескольких дней, проведённых в Пирамиде после долгого отсутствия, хватало, чтобы она устранила все негативные факторы, накопленные организмом, и вернула ему здоровье и молодость.

– А зачем тебе оружие?

– Мне незачем. Оружие нужно вам, людям. И нужно было Хозяевам. Когда есть враги, без оружия не обойтись, – перевёл я для себя ответ в слова.

Что ж, с данной сентенцией не поспоришь. Одно из двух: либо не имей врагов – чего не бывает, – либо вооружайся.

– И ещё ты, как я слышал, можешь самостоятельно выполнить задание, если оно не очень сложное? – спросил я, вспомнив рассказ Оскара.

– Да, могу, – ответил он и тут же сам задал вопрос. – Ты хочешь, чтобы я сам куда-то слетал?

– Нет. Мы полетим вместе.

– Ты и я?

– Нет, будут ещё люди. Команда, экипаж. Пока я пришёл один, чтобы с тобой познакомиться.

– Это хорошо. Когда придут остальные?

– Очень скоро. Почему ты не спрашиваешь, куда мы летим?

– Зачем? Я полечу туда, куда мне скажут.

– И исполнишь любой приказ? – Я неожиданно вспом-

нил о трёх законах роботехники Азимова, а также о собаках-убийцах, готовых разорвать любого по воле хозяина, и решил, что данный вопрос необходимо прояснить сразу.

– Почти, – ответил Клёнья.

– Расскажи о тех приказах, которые ты не исполнишь.

– Я ни при каких обстоятельствах не причиню вред тебе и любому другому разумному существу, которого ты представишь мне как члена команды или друга. И не допущу своим бездействием, чтобы вам был причинён вред.

– Первый закон? – спросил я.

– Да. Он так и называется.

Хорошо, что легендарные Хозяева догадались его ввести, подумал я. Впрочем, иначе вряд ли могло быть – собственная безопасность и безопасность тех, кто тебе близок, превыше всего для любого разумного существа. Иначе не стоит и огород городить.

– Также я не причиню вред себе, если это не будет противоречить выполнению твоего приказа, приказа члена моей команды или друга.

Ага, вот и Третий закон.

– И, вероятно, ты обязан подчиниться любому моему приказу, приказу члена команды или друга, если это не противоречит Первому закону, так? – продолжил я за него.

– Именно.

– И это Второй закон?

– Да. А закон о собственной безопасности – Третий.

– Очень хорошо, – констатировал я. – Значит, я не ошибся в твоих прежних хозяевах. Чьим приказам ты подчиняешься в первую, вторую и последующую очередь?

– В зависимости от корабельного устава. Мы можем использовать устав Хозяев, если он вам подойдёт. Или вы дадите мне новый.

– Хм. А устав Хозяев он...э-э... длинный?

– Совсем нет. Я могу вывести его на обзорный экран – большой или малый.

– Здесь есть обзорные экраны?

– Конечно.

– Что ж ты молчал?

– Ты не спрашивал.

– Давай, выводим на малый.

Прямо из пола на расстоянии вытянутой руки вырос изящный столбик, на конце которого светло-сиреневым нежным светом засиял экран с метровой диагональю.

Ага, знакомая технология Пирамиды...

Корабельный устав Хозяев и правда оказался довольно простым, коротким и понятным. Суть его сводилась к тому, что Малыш в первую очередь подчинялся приказам капитана, а уж затем всем остальным, в зависимости от служебной иерархии, определяемой, опять же, капитаном. В данном случае, мной. Что ж, такой устав меня вполне устраивает и менять его не стоит, пожалуй. Ибо лучшее, как известно, враг хорошего.

Далее некоторое время я потратил на то, чтобы выяснить способы управления Малышом. Это оказалось несложно и надёжно. Собственно, традиционный пульт управления заменял шлем, который был сейчас на моей голове, и с помощью которого я мог управлять живым звездолётом хоть мысленно, хоть голосом – по желанию. И не только я, но и любой член команды в соответствии с уставом корабля.

К тому же, на случай отказа природного мозга Малыша (читай – бессознательного состояния или смерти) Хозяева предусмотрели дублирующую систему управления и поддержания жизнедеятельности звездолёта. Рассчитана она была в основном на то, чтобы, если паче чаяния такая беда случится, успеть добраться на бранных останках Малыша домой, где попытаться воскресить корабль. Или, в случае неудачи, похоронить его. Основная же часть системы – ее компьютер, во многом аналогичный ЦМП, была рассчитана на постоянную работу, поскольку живой мозг Клёны не справлялся со всеми теми задачами, которые могли поставить перед ним его, наделённые разумом и сложными чувствами, хозяева.

Данная система наряду с вооружением Малыша (защитное поле он умел вырабатывать сам, а также обладал удивительными способностями к мимикрии) и были теми самыми искусственно вживленными элементами, которые превращали звездолёт в некое подобие киборга...

Впрочем, досконально разбираться с ДСУ – до этой аббревиатуры, не мудрствуя лукаво, я сократил «дублирую-

щую систему управления» – мне было недосуг. Да и незачем. В конце концов, на роль главного пилота я про себя уже решил назначить Никиту. Вот пусть он досконально и разбирается. А я и все остальные рядом постоим и по мере сил постараемся разобраться тоже.

Кстати, насчёт всех остальных. Контакт с Малышом налажен и время приступить к формированию экипажа. Никита – само собой. Значит, Женю Аничкина надо оставить здесь. Чтобы девчонки ощущали, что рядом с ними мужчина. Ольгу Ефремову, скорее всего, тоже брать не стоит – слишком она нежна для межзвёздных путешествий. Щупач, одним словом. Да и вообще, с учётом её ко мне отношения... Да, отношения надо учитывать. Маша Князь послужит хорошим противовесом Аничкину с его склонностью к авантюрам. Значит, её и назначим главной в моё отсутствие. А Марту я возьму с собой. Мы уже сработались. Во всех смыслах. Итак, трое – Маша, Женя и Оля остаются в Пирамиде и, кстати, я им не завидую – забот хватит. Одни киркхуркхи на острове чего стоят... Никита и Марта со мной. Вот и экипаж. Эх, мало нас.... Но деваться некуда, надо лететь. Чем раньше мы доберемся до Лекты – тем лучше. Влад, Свем и киркхуркхи, ясно дело, сумеют за себя постоять в случае чего, но каждый день промедления чреват непредсказуемыми последствиями. Эх, не было, как говорится, печали да черти накачали... Ладно, прорвёмся.

Я попрощался с Малышом, пообещав скорое возвраще-

ние уже со всей командой, вышел из корабля и покинул верхушку Пирамиды. Меня ждали срочные дела.

Второй раз сидящий под навесом человек обернулся в тот самый момент, когда Велга на подходе уже догадался, кто это.

Высокая, сутуловатая фигура, седые длинные волосы, забранные сзади в два хвоста... Древний. Ага, так и есть. Этот странный, безмятежный и в то же время пронзительный взгляд человеческого существа, которому от роду невесть сколько миллионов, а, возможно, и миллиардов лет, трудно не узнать. Впрочем, человеческого ли? Помнится, при той, первой и последней встрече, они не успели обсудить этот вопрос. Или он просто не возникал.

– Здравствуйте, Древний. Какими судьбами?

Древний поднялся навстречу, протянул руку, и Велга пожал сухую и крепкую ладонь.

– Здравствуйте, Саша. Рад вас видеть в добром здравии.

– Взаимно. Хотя, как я понимаю, у вас со здоровьем проблем не возникает, – усмехнулся Велга и сел напротив. – Чай сами заваривали?

– Какая-то милая женщина выдала все необходимое, – кивнул Древний в сторону кухни. – И даже не спросила, кто я такой и чего вдруг поднялся в такую рань. Хотя мы с ней и незнакомы.

– Если человек находится на территории лагеря, значит,

так надо, – объяснил Саша. – Чужие здесь сами по себе не ходят.

– Ясно, – кивнул Древний. – Чаю хотите?

– Еще бы. Не самогонку же пить с восходом солнца, её мы пили вчера на закате. Пойду, схожу за чашкой.

– Прихватите несколько, – посоветовал Древний.

– Сколько именно? – внимательно посмотрел на него Велга.

– Чтобы хватило на всех.

– ?

– На весь отряд, – пояснил Древний и безмятежно улыбнулся.

Так, начинается. Сначала за чашками сходи, а потом туда, куда Макар телят не гонял. Знаем, знаем. Ещё с училища. И почему это начальство везде и всюду одинаково? Но ты мне, дорогой, не начальство. И вряд ли им станешь. Хотя не скрою, что твоё здесь появление крайне меня заинтересовало. Чёрт, неужто я и впрямь соскучился по настоящему делу? Или это уже в некотором роде зависимость? Сродни алкоголизму. Говорят, летуны, которые по тем или иным причинам не могут больше сесть за штурвал, очень часто спиваются. Кажется, я догадываюсь почему. Нет, спиваться мы не будем. Будем пить чай. А что касается чашек и прочего...

Велга огляделся и заметил двух знакомых мальчишек лет двенадцати, которые с самодельными удочками в руках направлялись к выходу из лагеря.

Ага, вот и юные рыбаки. Правильно, самое время в местной речушке окуней потаскать.

Он свистнул.

Мальчишки обернулись и поспешили к нему – авторитет Александра Ивановича Велги, как, впрочем, и его боевых товарищей, был здесь непререкаем. А уж среди ребятни и во все достигал заоблачных высот.

Велга послал мальчишек на кухню за чашками и дополнительным кипятком, милостиво разрешив сразу после выполнения срочного и ответственного задания продолжить путь на речку.

Древний наблюдал за происходящим с чуть насмешливым, как показалось Александру, интересом.

Догадался, конечно. Было бы странно, будь иначе. На то он и Древний. Да тут и всякий бы, мало-мальски соображающий в человеческих отношениях, догадался бы. Кстати, об отношениях. Нехорошо, товарищ лейтенант. У нас гость, а ты сидишь перед ним в черт знает каком виде – неумытый и расхристанный. Да и побриться не мешает. При любых раскладах советский, он же русский офицер, не может выглядеть с утра, как какой-нибудь, прости господи, забулдыга. К тому же сейчас и остальные наверняка нарисуются. Потому что голому пню ясно – не сам по себе я проснулся. Ох, не сам по себе... И можно спорить с кем угодно и на что угодно, что друг Хельмут, как всегда, будет подтянут и свеж.

– Пойду умоюсь, раз такое дело, – сообщил он Древнему,

вставая. – Поскучайте тут немного без меня.

– Конечно, – улыбнулся Древний. – Скучать я приучен. Но, смею вас уверить, что ни мне, ни вам, в ближайшее время скучно не будет.

– Заинтриговали, – по возможности равнодушно кивнул Велга и отправился приводить себя в порядок.

Когда через пятнадцать минут он вернулся, то обнаружил под навесом отряд в полном составе. То есть, почти. Не было Малышева и Ани, и сей факт Велга про себя немедленно отметил.

Ага, кажется, назревает конфликт. И хорошо, если только семейный...

Русские и немцы сидели вперемешку и вид имели довольно бравый, хотя кое-кому явно приходилось для этого прикладывать определенные усилия. Самогонки, однако, на столе не наблюдалось, что говорило о похвальном намерении присутствующих как можно быстрее обрести ясную голову. Похвальном в любом случае.

Хотя, понятное дело, не заявись Древний, праздновать сегодня продолжили бы. Наверняка. И закончили бы только завтра. При хорошем раскладе.

– Доброго всем утра! – нарочито бодро поздоровался он, получил в ответ от Хельмута пожелание того же (ну точно – свеж, чертяка!), а от остальных – здоровья, уселся за стол, решительно налил себе чаю и взял с обширного блюда – молодец, кухарка, оперативно сработала – свежеиспеченную бу-

лочку. Сначала завтрак, потом все остальное.

– Не пушу, – сказала Аня. – Даже и не надейся.

Она, подбоченившись, стояла в дверях комнаты, где жила семья Малышевых. Из одежды на молодой колдунье была лишь мужнина рубашка. Расстегнутая на все пуговицы. Светло-рыжие волосы напоминают стог сена, в котором провела ночь влюблённая парочка; в зелёных глазах пылает опасный огонёк. Даже веснушки, кажется, стали ярче.

Как же все-таки я её люблю, подумал Михаил. Это же невозможно просто. Но много воли бабе давать нельзя – на голову сядет. Вообще, странно – непохоже это на неё.

– Ань, ты чего? – удивился он. – Я только чаю с ребятами попою. Никакой самогонки, обещаю.

– Ты меня что, за дурочку держишь? – усмехнулась жена. – Уж лучше самогонка в шесть утра, чем этот твой чай с ребятами.

– Почему? – сделал вид, что не понял, Миша.

За те несколько секунд, что Аня пристально смотрела на мужа, взгляд ее последовательно менялся: гневный, задумчивый, снисходительный, решительный.

– Всё-таки иногда вы, мужчины, бываете такими дураками, что просто диву даёшься, – вздохнула она. – Так и быть, пошли.

– Э... ты со мной, что ли?

– А ты как думал? Или я не боец отряда? Не делила с

вами и жизнь, и смерть? – Аня отошла от двери, скинула мужнину рубашку и принялась быстро одеваться. Михаил с трудом отвел глаза от её обнажённой груди и посмотрел на спящую в деревянной самодельной кровати дочку.

– Кто ж спорит, – сглотнул он. – Просто...

– Если Лизонька проснётся, я сразу услышу, – заверила его Аня. – И тебе об этом прекрасно известно. Так же, как и о том, что тебя, дурака, я люблю больше жизни. Но оголтелого мужского шовинизма не допущу. Я готова, пошли.

– Оголтелого мужского шовинизма... – пробормотал Малышев. – Надо же, слова какие. Раньше я от тебя их что-то не слышал. Нэла, что ли, научила? Похоже на неё. Одно слово – фея.

– Ты много чего ещё от меня не слышал, дорогой, – сказала Аня. – Что же касается Нэлы, то мы друг у друга учимся, это верно. Но чему именно, тебе знать не обязательно.

И она, шутливо толкнув мужа бедром, первой вышла за дверь. Михаил хмыкнул и последовал за супругой.

Хельмут Дитц закурил, с видимым наслаждением затянулся и выпустил дым в сторону утреннего солнца.

– Что ж, – сказал он, – рассказывайте, Древний, зачем явились.

– Ага, – подхватил Валерка Стихарь. – Мы, конечно, рады вас видеть и всё такое, но в то, что вы по нам соскучились и просто захотели навестить, верится, я извиняюсь, с трудом.

– Да чего там с трудом, – хмыкнул Руди Майер. – Даже и без труда не верится. Проще говоря, не верится никак.

– Я бы поверил, если бы явился Распорядитель, – с сентиментальными нотками в голосе произнёс Карл Хейниц. – Этот наш, трёхглазый. Не знаю почему, но мне кажется, что он к нам тянулся душой.

– Тянулся, как же, – буркнул Курт Шнайдер. – Так тянулся, что однажды на тот свет утянул.

– Ну прямо уж и утянул, – возразил Сергей Вешняк. – Не знаю, как ты, а я не помню, чтобы там побывал. Хотя в тот свет верю. Значит, что? Значит, не был я там. Не умирал, то есть, по-настоящему. Опять же все давно живы и здоровы. Чего жаловаться?

– Я не жалуюсь, – сказал Шнайдер. – Я это... как его... констатирую факт.

Древний молча слушал трёп разведчиков, с интересом переводя взгляд с одного на другого. Наблюдая за Древним, молчал и Велга.

– А я знаю, зачем он пришёл, – заявила Аня и, глядя Древнему в глаза, добавила. – Уж простите, что я о вас в третьем лице, но настоящего имени вашего не ведаю, а обращаться по прозвищу, как это делают мужчины, не хочется.

– Ничего, – краем губ улыбнулся Древний. – Мне не обидно. Говорите.

– И скажу, – пообещала колдунья. – Тут и моих особых талантов не требуется, чтобы эту загадку разгадать. Во вве-

ренной вам Вселенной опять где-то прорвало и хлынуло какое-нибудь опасное дерьмо, и вы привычно вспомнили о нас. Поскольку сами руки марать не хотите. А у нас, как показал опыт, дерьмо разгребать здорово получается. Верно?

Присутствующие, как по команде, посмотрели на Древнего, ожидая, что он ответит. Аня вслух произнесла то, о чём, так или иначе, думал каждый из них с тех самых пор, как увидел, кто именно заявился в гости.

– Анечка, – мягко произнёс Древний, – я ведь всё понимаю, не думайте. Вам кажется, что вы только-только начали жить нормальной жизнью. Обрели замечательного любящего мужа, родили прекрасную дочурку, начали как-то планировать своё будущее. И тут – на тебе. Снова здорово. Опять на пороге Распорядитель... Кстати, я говорил вам, что принял должность Распорядителя? Кажется, нет. Ну вот, теперь вы знаете. Заодно сообщаю, что прежний Распорядитель, который нынче занял место Координатора, передавал вам самый горячий привет. Он о вас помнит, любит и...

– И на вас надеется, – ухмыльнувшись, продолжил за Древнего Хельмут Дитц. – Спасибо, мы тоже его не забываем. Но прошу прощения, что перебил. Продолжайте.

– Данке шен, – сказал Древний. – Я действительно ещё не закончил. – Он задумчиво почесал лоб. – Так бишь о чём я... Ах, да. О будущем Аниной семьи. А заодно и о вашем будущем. Хотите, я вам его сейчас вкратце обрисую?

– А получится? – поинтересовался Курт Шнайдер.

– Даже не сомневайтесь, – заверил Древний. – Так обрисовать?

– Валяйте, – разрешил Валерка Стихарь. – Все лучше, чем самогонку с утра хлестать. Особенно после вчерашнего.

– Любопытно будет послушать, – сказал Хельмут. – Ты как, Саша?

– Не возражаю, – ответил Велга. – Умного человека послушать никогда не помешает.

– Только не очень долго, – сказала Аня, оглянувшись в сторону дома. – Мне скоро Лизу кормить. Она вот-вот проснётся.

– Я вкратце, – пообещал Древний. – Сейчас ваша жизнь, что совершенно естественно, связана с этим миром и людьми, его населяющими. То есть, ближайшее будущее этого мира – это и ваше будущее. И каково оно? Не нужно быть семи пядей во лбу и прожить на свете столько, сколько прожил я, чтобы ответить на данный вопрос. Еще очень долго этот мир будут сотрясать войны. Сначала мелкие, а затем и крупные. Так бывает всегда, когда раздробленные части некогда более или менее единого общества вновь стремятся к объединению. Потому что те, кто успел вышеупомянутые раздробленные части возглавить, хоть и понимают необходимость объединения, но власть просто так отдавать не захотят. Мне напомнить вам, какой кровью создаются государства и империи? Думаю, не стоит.

– Только недавно мы с Хельмутом имели беседу на эту те-

му, – сказал Велга. – Да, Хельмут? Как ты там сказал насчёт нынешних германских князьков?

– Каждый мнит себя императором Вильгельмом Вторым, – кивнул Дитц. – Увы, это так. И очень скоро без крови не обойдётся, тут я с Древним согласен безоговорочно.

– Кто бы спорил, – встрял Валерка. – Стоит одному заявить: «Я объединю Русь», и начнётся. Мама не горюй.

– Пока всё, вроде, тихо, слава богу, – неуверенно сказал Вешняк. – Я, честно скажу, уже и жениться собрался.

– Во даёт, Рязань! – воскликнул Валерка. – Жениться. Тебе что, девок мало вокруг?

– Это тебе, ростовской шелупони, всё бы по девкам шагать, – усмехнулся Вешняк. – А мы люди серьёзные, степенные.

– Степенные – это правильно, – шумно вздохнул Малышев. – И жениться – тоже хорошо. – Он покосился на Аню. – По себе знаю. Только куда денется наша степенность, когда и впрямь начнётся?

– А начнётся? – спросил, ни к кому не обращаясь, Хейниц.

– Начнётся, – с непередаваемой грустью в голосе ответила Аня. – Рано или поздно, но начнётся обязательно. Хотя, я думаю, что около года или даже двух у нас в запасе имеется. Простите, Древний, за резкость. Мне надо было думать чуть быстрее.

– Что вы, Аня, – сказал Древний. – Это вы меня простите. Я не совсем удачно выбрал время для визита. Надо было

ближе к вечеру. Но от старых привычек трудно отказаться – я начал вставать с петухами ещё в те времена, когда ещё и петухов – то не было.

– Ближе к вечеру с ними было бы труднее разговаривать, – вздохнула Аня. – Если вообще возможно.

Древний дипломатично улыбнулся.

– Ну и пусть начинается, – заявил Майер и даже для убедительности стукнул кулаком по столу. – Но только без нас. Надоело.

– Без нас не получится, Руди, – пояснил Хельмут. – Я уже говорил. Мы – сила.

– И сила большая, – поддержал Древний. – Значит, вас обязательно попытаются использовать. Так или иначе. Не мытьём, как говорится, так катаньем. В покое не оставят ни за что.

– А мы свалим, – упрямо наклонил черноволосую голову пулемётчик. – Пусть-ка попробуют достанут.

– Куда? – спросил Курт Шнайдер. – Куда мы свалим, Руди? Сейчас на всей Земле люди в одинаковом положении. А валить куда-нибудь в тайгу сибирскую или дебри Амазонки... Благодарю покорно. Жить среди дикарей – это не по мне.

– А что, в сибирской тайге до сих пор есть дикари? – удивился Валерка.

– Дикари везде есть, – философски заметил Малышев. – А уж, тайге и подавно. Только все они давно не дикари, а

Охотники, если кто забыл.

– Тем более, – буркнул Шнайдер. – Хотя Охотников я уважаю, вы знаете.

– Айн момент, – сказал Валерка. – Насчёт того, что нас не оставят в покое. Чисто ради интереса. Скажите, Древний, только честно. Вы разве прибыли, чтобы предложить нам покой? Опять не верю. Но, если так, то спасибо большое заранее. Уж больно скучно на этой вашей Лоне. Нет, то есть недельку-две там гульнуть-отдохнуть при случае я бы не отказался...

– А ведь и верно, – заметил Вешняк. – Вы, Древний, войной нас пугаете, а сами что собираетесь предложить? Вечный праздник? А то ходим вокруг да около.

– Действительно, Древний, – сказал Дитц. – Выкладывайте уже.

И Древний выложил.

Не вдаваясь в подробности, он напомнил о готовых вот-вот уничтожить себя, а заодно и тех, кто под руку подвернётся, сварогах и рассказал об уже сделавших это киркхуркхах.

О свертревожном положении на всех альтернативных Землях. Не говоря уже об альтернативных вариантах других миров.

О Рое – не знающих жалости межзвёздных бандитах каравос Раво, использующих в качестве рабов вельхе – расу разумных термитов. Некогда они терроризировали весь Млечный Путь, затем угасли, а ныне возродились и активно при-

нялись за старое.

О добрейших разумных ящерах ирюммах и философах-созерцателях лируллийцах, ведущих своё начало от растений. Эти, всегда жившие в мире и согласии, расы, словно взбесились, начали делить зоны влияния, совершили несколько боестолкновений, закончившихся жертвами с обеих сторон, и теперь в бешеном темпе строят военные космофлоты. Надо понимать, отнюдь не для дружественных визитов.

Об айредах, которые уж, было, сами нашли, как защититься от страшной Ржавой Смерти, но теперь к их планете заявился Рой, и дело может кончиться совсем плохо, потому что гуманоидам айредам, находящимся на стадии земного средневековья, не устоять против военной мощи и наглости каравос Раво вкупе с их рабами – разумными термитами. И договориться с Роем тоже не получится – Рою не нужны ни партнёры, ни пленные, ни даже рабы.

Заклучил своё краткое, но ёмкое повествование Древний теми же словами, которые совсем недавно говорил Координатору:

– Лично у меня такое ощущение, что кто-то намеренно ведёт дело к тому, чтобы уничтожить разум как таковой. Если не в нашей Вселенной, то в галактике Млечный Путь – точно. Тем или иным способом. Причем как на коренных планетах, так и в альтернативных, параллельных реальностях.

Древний умолк, налил себе чаю и принялся прихлебывать

его из чашки мелкими глотками.

– У меня вопрос, – сказал Велга. – Что думают и предпринимают по этому поводу Высшие?

– Вот именно, – встрял Стихарь. – Или у ангелов снова проблемы? Так мы поможем, не впервой.

– А то, – в тон ему сказал Хейниц. – Конечно, поможем. Недаром нас повсюду называют защитниками обитаемой Вселенной.

– Ага. И ещё спасителями миров.

Солдаты засмеялись.

– Они не ангелы, – поморщился Древний. – Во всяком случае, в вашем понимании этого слова. В любом случае, у Высших проблемы. Скажем так, психологического характера. Если коротко, им сейчас не до Низших.

– Всё-таки я была права, – вздохнула Аня. – Нам предлагают разгрести дерьмо. Или спасти мир, как правильно было замечено.

– Что, по сути, одно и то же, – заключил Руди Майер.

– Вам предлагают делать то, что вы умеете и любите, – спокойно произнёс Древний. – Провести разведку. Возможно, разведку боем. Но это вы умеете тоже. Кроме того, у вашего отряда есть то, чего не достичь никаким обучением, тренировками или оружием.

– Что же это? – приподнял бровь Дитц.

– Везение, – сказал Древний. – Невероятное, фантастическое везение. Складывается впечатление, что вы находитесь

под особым покровительством Судьбы. Именно так, с заглавной буквы. А с Судьбой спорить бесполезно. Даже Высшим. Это, поверьте, мне хорошо известно.

– Вы совершили настоящий подвиг, – сказал Влад. – Другого слова не подберу. Разрешите пожать вашу руку.

Йовен с недоумением воззрился на гостя-пришельца.

– Это наш обычай, – пояснил Влад. – Означает признание и уважение.

Йовен посмотрел на князя. Тот кивнул, и молодой лекарь неумело ответил на рукопожатие.

– Спасибо, – осунувшееся лицо Йовена осветила короткая улыбка. – Умерло шестеро. Остальные, думаю, к утру начнут выздоравливать.

– Я тоже так думаю, – сказал Борисов.

Чертовски хотелось курить, но Влад не знал, как лучше преподнести князю Дравену и остальным айредам свою столь необычную привычку, и решил воздержаться.

«Ничего, здоровее буду».

Они только что вышли из винных подвалов на свежий воздух. День клонился к вечеру. Тени от стен и веж детинца перекрыли уже почти весь двор, заметно посвежело.

– Подышим, – сказал князь и посмотрел в небо. – Мухоловки высоко летают. Завтра будет хороший день. Значит, мой лекарь сделал всё правильно?

– Он не просто сделал всё правильно, – сказал Влад. – Он совершил настоящее открытие, и теперь его имя войдёт в ва-

шу историю. Мы собирались спасти вас похожим способом.
– Значит, теперь ваша помощь нам уже не нужна? – спросил князь.

– Как скажете. Метод Йовена хорош на крайний случай, когда нет иного выхода. Но он слишком рискован. Сыворотка надёжней и безопасней. А приготовить её в достаточном количестве можно только у нас. Я не имею права настаивать, но на вашем месте согласился бы с первоначальным планом. Тем более что одно другому не мешает.

– То есть, вам нужны больные добровольцы и несколько дней времени? – уточнил Дравен.

– Да, – подтвердил Влад.

– Хорошо, я подумаю. До вечера. Но пока мне, раз уж вы здесь, потребуется ваша помощь в другом деле.

– Допрос этих тварей и осмотр их корабля? – догадался Влад. – Хотя, вероятно, лучше в обратном порядке. Сначала осмотр, а затем допрос. Потому что допрашивать можно и в темноте, а вот осматривать лучше при дневном свете, пока солнце не зашло. Вы выставили там охрану?

– Зачем? – усмехнулся князь. – В округе никого нет. Ржавая Смерть хорошо потрудилась. К тому же, айредов, способных держать оружие, у меня наперечёт. Сами знаете.

– Мы не имеем в виду айредов, – сказал командир киркхуркхов Млайн и окинул взглядом небо.

– Вы думаете, к ним может явиться подкрепление? – нахмурился Дравен.

– Всё может быть, – сказал Влад. – У нас пока нет необходимой информации, чтобы делать какие бы то ни было выводы.

– Я понял, – князь вслед за Млайном с тревогой оглядел небо. – Как вы называли эту штуку, на которой они спустились с неба? Корабль? Остроумно.

– Мы давно называем так... э-э... средства передвижения в космическом пространстве, между планетами и звёздами. Космический корабль. По аналогии с морскими кораблями.

– Расскажите мне о них, когда будем осматривать, – Дравен потянулся, отчётливо хрустнув суставами. – Всё это невероятно, страшно занимательно и... внезапно. Как гром среди ясного неба. – Он хмыкнул. – В прямом смысле. Так что, пошли? Или лучше поехали. Если вы умеете ездить верхом. Городской причал недалеко, но наши ноги сегодня уже изрядно потрудились.

– С вашего позволения, князь, мы всё-таки пешком, – сказал Влад, переглянувшись с Млайном. – Мы умеем ездить верхом, но нам не знакомы животные, на которых ездите вы и способы управления ими. Не хотелось бы казаться смешными и неумелыми.

Городской причал и впрямь располагался поблизости, сразу за юго-западными воротами. Как еще раньше отметил Влад, оглядевшись с высоты княжьего детинца, Брашен удивительным образом напоминал древнерусские города. Треугольный в планировке, он чётко вписывался в стрелку меж-

ду рекой Брашей и её притоком Брашкой. Таким образом, с юго-запада и юго-востока Брашен, не считая стен, был защищён от врагов естественными водными преградами, а с северной стороны между рекой и притоком был прорыт ров, что и вовсе превращало территорию, на которой стоял город, в остров.

На другой берег перебрались на гребном баркасе, в который свободно поместились и князь с дружинниками-охранниками, и все остальные.

Путь от кромки воды до места приземления «термитного» десанта занял не более пяти минут, и вскоре айреды, люди и киркхуркхи уже осматривали оба яйцевидных объекта. Собственно, в начале осматривали лишь Влад и киркхуркхи, как разумные существа, имеющие хоть какое-то понятие о космической технике. К ним присоединился и Свем Одиночка, которого, после чудес Пирамиды трудно было чем-либо удивить. Айреды же, включая князя Дравена, держались на расстоянии в десяток шагов, не в силах скрыть своего изумления перед чудными, поражающими воображение, штуковинами, опустившимися прямоком с неба. Впрочем, как оказалось, айред, не хуже любого человека, и впрямь быстро ко всему привыкает – вскоре и сам князь, и его дружинники осмелились подойти ближе, а затем, мужественно преодолев страх, наравне с остальными залезли внутрь ребристых яйцеобразных объектов.

Довольно скоро и Владу, и киркхуркхам стало более или

менее ясно, с чем они имеют дело.

– Это не совсем настоящие корабли, – сообщил Влад Дравену и, вытащив сигареты, добавил. – Сейчас я буду вдыхать и выдыхать дым, не удивляйтесь, ладно? Считайте, что это всего лишь не слишком понятная и приятная для вас привычка иноземца. От некоторых привычек, увы, бывает трудно отказаться.

Он с наслаждением закурил и выпустил дым в сторону.

– Мне знакома эта привычка, – сказал Дравен, с интересом наблюдая за Борисовым. – Далеко на юге живёт народ, где тоже это принято. Они вдыхают дым от какой-то высушенной травы. Их купцы иногда бывают у нас. Вернее, бывали до того, как пришла Ржавая Смерть. А наши хаживали к ним. Но у нас этот обычай не прижился.

– Почему? – с интересом осведомился Влад.

– У нас такая трава не растёт. А их, привозная, обходится слишком дорого. Даже для меня. К тому же, купцы, как я и говорил, и раньше добирались до нас не часто – уж очень длинен и опасен путь. А теперь... – Он махнул рукой. – Дай господь страну возродить, а уж затем перейдем к торговле с другими народами. Если, конечно, осталось ещё с кем торговать. Так что там ты говорил насчёт этих небесных кораблей? Они не совсем настоящие? Объясни, я не очень понимаю.

– Это как бы шлюпки, – пояснил Борисов. – Или, скорее, баржи. С минимальным запасом... э-э... разных запасов и простым управлением. – Предназначены лишь для того, что-

бы доставить оттуда, — он ткнул пальцем в небо, — сюда, — указал на землю, — определённое количество солдат. В данном случае этих тварей. Здесь даже нет кабины для пилота... ну, рулевого. То есть, спуск осуществлялся в автоматическом режиме.

— Это как? — не понял князь.

— Без помощи тех, кто сидел внутри. Это как если у вас есть заданный курс, и ветер попутный, то можно закрепить рулевое весло, и шлюпка под парусом будет сама плыть куда надо.

— Ясно, — ухмыльнулся Дравен. — А ты сидишь на корме и попиваешь доброе винцо.

— Или, как в данном случае, готовишься к высадке и последующему бою.

Подошёл Млайн.

— Топливо в баках практически на нуле, — сообщил он. — Только что проверил. Как мы и думали, эти штуки не способны самостоятельно подняться в космос. Они рассчитаны только на спуск.

— Значит, где-то на орбите болтается корабль-матка, — сказал Влад.

— Скорее всего, — согласился командир отделения киркхуркхов. — А иначе откуда бы им взяться?

— Но вы-то взялись, — резонно заметил князь.

— Логично, — усмехнулся Влад. — Но не похоже, чтобы они использовали наши или подобные им каналы. Здесь яв-

но иная схема. Обычная, так сказать. Через космос, от одной звёздной системы к другой. Эх, – он в очередной раз оглядел темнеющее небо, – по-любому надо возвращаться. Без спецоборудования мы ни черта не определим. Даже элементарного телескопа с автоматической фотокамерой нет. А бинокль здесь вряд ли поможет. – Он посмотрел на князя – тот хмурился, явно не понимая, о чём идёт речь – и добавил. – У себя дома мы не только сможем вылечить ваших больных-добровольцев и наладить производство сыворотки, но и определить, сколько чужих кораблей болтается на орбите вокруг вашей планеты. – Влад огляделся, подобрал с земли маленький камушек, сжал кулак и обвёл камушком вокруг него. – Мой кулак – это ваша планета, Лекта, – объяснил он князю. – А камушек – чужой космический корабль.

– Вражеский корабль, – поправил Дравен. – Они ведь напали на нас, верно? Значит, враги. А врагов уничтожают.

– Согласен, – кивнул Влад. – Вражеский. И он может быть не один. Вот этот его путь вокруг планеты, – он повторил круговое движение, – и называется орбитой.

– Вы хотите доставить сюда астрономические приборы и радары? – спросил Млайн.

– Сам пока не знаю, – вздохнул Борисов. – Может быть. А что?

– Пока ничего, – сказал Млайн. – Просто спросил.

Не просто он спросил, догадался Влад. Что-то хочет сказать, но не при князе. Ладно, потом узнаем.

Он посмотрел, как уже совсем низкое солнце золотит за рекой стены и башни Брашена и неожиданно ощутил усталость. Пора было возвращаться в город. Всё-таки денёк выдался не из самых лёгких. И он ещё не закончился.

Пока переплывали реку и возвращались в детинец, наступил вечер.

– Как я понимаю, вы останетесь до завтра? – В вопросе Дравена уже звучал утвердительный ответ. – Ночь не лучшее время для того, чтобы отправляться в путь. Даже с вашим оружием.

– Мы никого не встретили, когда шли к городу, – сказал Влад нейтральным тоном. – Наткнулись на одну деревню, но там... там уже все умерли.

– А кто не умер, тот ушёл, – кивнул Дравен. – Это я знаю. Вокруг Брашена на десятки вёрст ни одной живой деревни или городка не осталось. Но я говорю о диких зверях. Последнее время они расплодились в окрестных лесах, и некоторые из них – ночные хищники – очень опасны. Они умеют подкрадываться незаметно и нападают внезапно. Мне не хотелось бы попусту рисковать жизнями своих людей. Да и вашими тоже.

– Не скрою, что мы рады воспользоваться вашим гостеприимством, князь. Но время... Я всё думаю, не упустим ли мы драгоценные часы, если останемся.

– Решать в конечном счете вам, уговаривать не стану, – сказал князь. – Только учтите, что после захода солнца у нас

будет праздник. Скромный, но пир. В честь двойной победы. Над Ржавой Смертью и тварями с неба. Я и все брашненцы будем рады вашему присутствию. Скажу больше. Если вы уйдёте в ночь, большинство этого не поймёт. Скажут, что чужеземцы не знают что такое уважение. Оно нам надо?

Влад восхитился про себя дипломатическими способностями Дравена. Надо же – не «вам», а «нам». Все правильно, нам оно не надо. Особенно с учётом того факта, что теперь, после установления столь дружественного контакта и уже оказанной ими, людьми и киркхуркхами, помощи, придётся иметь дело с айредами и дальше. А тех, с кем собираешься иметь дело, надо уважать, Дравен прав. Или хотя бы показывать, что ты их уважаешь. Но в данном случае и показывать не надо – стойкость брашненцев в сопротивлении тем страшным бедам, которые на них обрушились, сама по себе внушает уважение, хочешь ты этого или нет.

– Полностью с вами согласен, князь, – вежливо наклонил голову Влад. – Уважение – прежде всего. Нам с вами ещё работать и работать. К тому же, мы и впрямь устали. Поэтому и праздник, и ночной отдых, думаю, пойдут на пользу. Утро вечера мудренее, как говорят у нас.

– У нас говорят «вечером думает сердце, а утром голова», – усмехнулся Дравен.

– Тоже неплохо, – оценил Влад. – Значит, решено. Остаёмся до утра.

– Рад вашему решению. Но у нас впереди ещё два дела.

– Да, помню. Сначала допрос тварей, насколько это будет возможно, потом беседа с добровольцами. Где вы держите пленников, князь?

Но допросить пятерых, захваченных в плен «термитов» им не удалось. Как раз в тот момент, когда они вышли из палат и направились в темницы, к Дравену с испуганным видом подбежал молодой стражник и попросил молвить слово.

– Говори, – разрешил князь, останавливаясь.

– Плохие новости, Вершинный князь, – стражник опустился на одно колено, склонил голову, и Влад подумал, что это, судя по всему, означает признание вины, а не просто знак уважения властителю. – Эти пять тварей... они...

– Только не сообщай мне, что они сбежали, – ровным голосом произнёс Дравен.

– Нет, они не могли бы сбежать, – помотал головой стражник. – Они и не сбежали. Они... умерли. Все.

– ...твою мать! – с чувством произнес князь, и Борисов аж вздрогнул от неожиданности. – Когда и как это случилось?

– Только что, – сглотнул ком в горле стражник. – Когда мы поняли, что они и впрямь умерли, я сразу побежал докладывать вам. А как это случилось... Мы не знаем. Мы держали их всех в одной яме. Места им хватало. С избытком. И никто их не трогал, как и было сказано. Истинная правда, бог тому свидетель. – Он быстро очертил ладонью круг перед своим лицом.

– Встань, – приказал Дравен.

Стражник поднялся на ноги.

– Веди. Мы хотим посмотреть и убедиться лично.

«Термиты» оказались и впрямь мертвы. Во всяком случае, никаких признаков жизни они не подавали. Все пятеро валялись на земляном полу ямы глубиной в полтора человеческих роста. Сверху яма была забрана железной решёткой, запирающейся на внушительного размера замок.

– Сначала они бегали по дну, – торопливо рассказывал стражник и даже пытались выбраться – устроили живую пирамиду, доставали до решётки и старались её перегрызть.

– Надо же, – хмыкнул Дравен. – А вы что?

– Спихивали их обратно. Стрекалом. – Он почесал затылок, сдвинув на лоб шлем, и добавил. – Два раза.

– И что было потом? – поинтересовался князь.

– Потом они успокоились. Наверное, поняли, что бесполезно. Притихли. Но ещё шевелились время от времени. Я подумал, что на них нашло что-то вроде оцепенения или дрёмы. Потом и шевелиться перестали.

– И вы подумали, что они заснули, – сказал Влад. – Я наверняка подумал бы точно так же.

– Верно, – во взгляде, брошенном молодым стражником на Влада, мелькнула благодарность. – Но буквально недавно захотел проверить, что и как, а они того... не шевелятся. Я уже их стрекалом, – он показал глазами на длинный, валявшийся на полу, шест, – по-всякому пихал.

– По-всякому – это как? – спросил князь.

– Даже нож к другому концу привязывал. Вот этот. – Он вытащил из-за голенища сапога нож и показал присутствующим. Нож выглядел опасно. – Одному и вовсе чуть брюхо не проколол. Бесполезно. Мертвее мёртвого. Все.

– То есть, выходит, они просто легли на пол и умерли, так? – ещё раз уточнил Дравен.

– Выходит так, – вздохнул стражник. Он явно ощущал себя провинившимся, хотя и сам не мог понять, в чём именно.

– Загадка, – сказал князь.

– В наших лесах водятся насекомые, – подал голос Свем Одиночка, – которые живут стаями. Они чем-то напоминают этих существ, – он показал пальцем на яму, – только маленькие, длиной с ноготь.

– И у нас есть такие, – сказал Влад. – Называются термиты. Ещё есть муравьи, но эти больше похожи как раз на термитов.

– И что? – спросил князь. – Подобные насекомые есть и в наших лесах. Вы думаете, что это тоже какие-то насекомые, только... обладающие разумом?

– Очень может быть, – сказал Влад.

– Так вот, – невозмутимо продолжил Свем Одиночка. – Если несколько наших насекомых, – он выделил голосом слово «наших», – отделить от стаи и поместить отдельно, то через несколько часов они умирают. Может быть, здесь то же самое?

– И так может быть, – сказал Влад. – Хоть это и стран-

но. Но чего только не встретишь в иных мирах. Ясно одно. Неприятные сюрпризы, связанные с этими пришельцами, ещё впереди. Следует быть начеку, – обратился он к Дравену. – Этот десант мы перебили, но никто не может гарантировать, что не будет следующего. Возможно, более мощного и многочисленного.

– Но не сегодня, – промолвил князь. – И даже не завтра. То есть, я очень хочу на это надеяться. Потому что без вас и вашего оружия мы вряд ли устоим против более крупных сил этих тварей. Нас осталось слишком мало.

Влад вздохнул. Ему не хотелось признаваться князю, что людей и киркхуркхов там, откуда они пришли, ещё меньше.

– Что-нибудь придумаем, – сказал он. – Обязательно. Как вы говорите? Вечером думает сердце, а утром голова?

– А вы – утро вечера мудренее, – ухмыльнулся князь. – Запомнил. Что ж, пошли отсюда. Отберём добровольцев и за стол. Не знаю, как вы, а я изрядно проголодался.

– Были сборы недолги, от Кубани и Волги мы коней поднимали в поход, – немзыкально мурлыкал Валерка Стихарь, поставив правую ногу на скамейку, и обувная щётка летала в его руках, сноровисто превращая грубую кирзу сапог в подобие чёрного зеркала.

Солдат в грязных сапогах и солдат в начищенных сапогах – это два разных солдата. И при равных прочих условиях второй всегда даст фору первому. Данную истину Валерка прочно усвоил еще в учебном батальоне перед отправкой на фронт и с тех пор не раз убеждался, что она остаётся неизменной. Хотя его свободолюбивая ростовская натура и пыталась время от времени оказать этой истине сопротивление.

Да, когда ты сидишь в грязном осеннем окопе или шагаешь пыльными дорогами в наступлении, ежедневный и тщательный уход за обувью и обмундированием не всегда возможен. Но привести себя в полный порядок перед долгим походом – святое дело.

Всё, включая полученные ещё у сварогов прочные и удобные ботинки и защитный комбинезон, уже было упаковано в легкий и вместительный, непромокаемый и несгораемый рюкзак. На такие рюкзаки, осознав их несомненное преимущество, сменили на Лоне свои вещмешки и ранцы все члены отряда. А рюкзак в свою очередь вместе с оружием – руч-

ным парализатором, плазменной винтовкой, старым добрым ППШ и боеприпасами находился на своём месте в вездеходе по имени «Маша».

Наверное, было бы удобнее сразу облачиться в комбинезоны сварогов, но после того, как они вернулись в этот мир из мира Высших, – каждый со своим фронтовым оружием и в своей изначальной полевой форме, стало традицией надевать её в особо значимых случаях. Те же немцы именно в таком виде прибыли на празднование дня рождения Саши Велги. Чем произвели неизгладимое впечатление на всё племя Леонида Макаровича и, в особенности, на женскую его часть. Не отстали и русские. А уж теперь, когда отряд снова покидал Землю – или, вернее будет сказать, – *эту* Землю, – казалось само собой разумеющимся быть одетым так же, как тогда, под Курском, жарким летом тысяча девятьсот сорок третьего года.

В голове рядового Стихаря замелькали обрывки воспоминаний.

Ночная разведвылазка к высоте с чудом уцелевшей колокольней на предмет возможного устройства в ней пункта корректировки арт-огня.

Столкновение – нос к носу – с немцами – как выяснилось позже, таким же разведвзводом, посланным на высоту с той же целью.

Инопланетные похитители – «северные» свароги с последующим ультиматумом: два разведвзвода – русские и немцы

должны сражаться друг с другом до тех пор, пока кто-то не одержит победу. И тогда победителей вернут домой. Потому что, видите ли, две межзвёздные сварожьи Империи – «северная» и «южная» – не поделили между собой планету-пра родину Пейану и решили, что лучший способ выяснить отношения – это заставить сражаться за себя других.

Бой в горах. Сначала – вялый – с немцами, а затем – жестокий и кровавый – с невесть откуда взявшимися местными сварогами-горцами. Тяжелые потери, объединение и совместный прорыв в полную неизвестность...

Рука со щёткой сама наводила глянец на второй сапог, а перед глазами рядового Валерки Стихаря вставали глубокие бесконечные пещеры Пейаны; «спасательная» планета ирюммов, полная несчастных вейнов, сумасшедший диктатор Улстер Ката и трудная победа над ним и его людьми. А затем такая, вроде бы родная, но на самом деле уже совершенно другая Земля, где время убежало сильно вперёд и где снова пришлось драться. Сначала чтобы выжить самим, а потом чтобы выжили другие...

Город – очень специфическое место. Там люди уже иной Земли, с иным будущим, могли грешить напропалую и даже совершать преступления, не боясь осуждения и наказания. Эдакий клапан для выпуска лишнего или ядовитого пара в условиях всеобщего человеколюбия и торжества созидательного труда.

Мир без армии – лишь на специальных Полигонах, вос-

создавая сражения прошлого, любители острых ощущений могли в какой-то мере почувствовать и понять, что такое война...

Андройды, вышедшие из-под контроля и получившие от ещё одного психа, возомнившего себя спасителем человечества, приказ убивать.

Инопланетное нашествие из космоса – ответ за бойню, которую учинил среди звёзд тысячи и тысячи лет назад военный космофлот легендарных атлантов...

Вовремя найденная отрядом в толще крымской горы Караул-Оба древняя база этих самых атлантов...

Замок и Воронка Реальностей...

Да, это, пожалуй, было страшнее всего.

Хотя бы потому, что тогда им удалось спасти Вселенную лишь ценой собственной гибели.

Валерка и сам не заметил, как замер с щеткой в руке, снова мысленно оказавшись там, в полуразрушенном Замке. Погибшие товарищи за спиной, рядом умирающий пулемётчик Руди Майер, початая фляга со спиртом, вкусная сигарета и пятнадцать минут до конца света...

– Привет, Валерочка, дружок! – осязаемый хлопок по заднице вернул разведчика в реальный мир.

– А ну-ка, сделай так ещё разок, – попросил Валерка. – Только нежнее, ага?

Даже не оборачиваясь, он узнал Нэлу – самую настоящую фею, которая в прошлом году променяла надоевший ей мир

Высших на их нескучную компанию. Впрочем, почти сразу они расстались. Нэле пришлось задержаться в племени Леонида Макаровича с беременной Аней Малышевой, а отряд отправился в Европу, в Германию. Точнее, туда, где некогда располагалась Германия – помогать тамошнему народу. Так сказать, «алаверды». Помогать пришлось активно, не обошлось без драки и крови, но все, слава богу, вернулись домой в целости и сохранности. Только вот домой ли? Последнее время рядовой Валерий Стихарь имел большие сомнения по данному вопросу. И, судя по всему, не только он один. Иначе вряд ли бы отряд так относительно легко согласился на предложение Древнего...

– Понежнее – это заслужить надо, – сообщила Нэла, усаживаясь на край скамейки и забрасывая ногу за ногу.

Одну длинную и гладкую ногу за точно такую же другую. Всё-таки платье – это тебе не штаны, оценил ростовчанин и произвольно сглотнул. Особенно на женщине. А уж если женщина – фея...

– Дыру протрёшь, – усмехнулась Нэла и провела рукой по круглой аккуратной коленке.

– В сапоге? – сделал невинные глаза Валерка, положил щётку, убрал ногу со скамейки и ловко уселся почти вплотную к фее.

– Нэлочка, ты же знаешь, взгляд – это лишь необходимая прелюдия, – он, словно бы ненароком обнял Нэлу за талию. – Опять же, как я могу не любоваться такой неземной во всех

смыслах красотой? Это выше моих и любых человеческих сил...

– Кончай трепаться, Ростов. И руку убери, ага?

Валерка убрал руку и вздохнул.

– Слышала? – осведомился он с нарочитой грустью.

– Что? – не поняла Нэла.

– Был такой тихий звон. Только что.

– Звон?

– Звон, – подтвердил Стихарь. – Дзи-инь... И пропало. Знаешь, что это было?

– ?

– Это разбилось моё сердце.

Нэла, не выдержав, прыснула.

Валерка ухмыльнулся с довольным видом, достал сигареты и закурил.

– Так что у нас? – спросил он. – Ты ведь не просто так решила навестить одинокого мужчину, страдающего от неразделённой любви, верно?

– Не просто, – подтвердила фея. – Скажи, Валерочка, почему я обо всём должна узнавать последней?

– В каком смысле? – искренне не понял Стихарь.

– В прямом, – сказала фея. – Значит, когда там, у Высших, вам требовалась помощь, то Нэла пришлась ко двору. А теперь – нет?

– Что-то я, Нэлочка, не очень понимаю, о чём ты. Хочешь с нами, что ли?

– Не то, что хочу, я обязана быть с вами, – заявила Нэла. – Уж здесь мне без вас точно делать нечего.

– Нашла же ты, что делать, когда мы в Германию отправились!

– Ну, ты сравнил! – воскликнула Нэла. – Тогда Аню одну оставлять было нельзя. А сейчас, слава Всевышнему, она не нуждается в моей помощи. – Голос Нэлы окреп, и в нем зазвучали хорошо знакомые Валерке нотки. Именно так начинают разговаривать донские казачки, когда чем-то недовольны. Очень сильно недовольны. – Нет, я не понимаю, – продолжала Нэла. – Что происходит, а? Стоило мне отлучиться по неотложным делам к Охотникам, как тут же выяснилось, что мои друзья-товарищи намереваются сделать ноги и оставить меня одну?!

Валерка открыл было рот, чтобы осведомиться, почему по данному вопросу фея решила наехать именно на него, но тут же закрыл. Ясно было, почему. Как-то вечером, около месяца назад, его, Валеркины, подкаты к прекрасной и неприступной Нэле неожиданно увенчались полным успехом. Настолько полным, что воспоминания о той восхитительной ночи до сих пор будоражили сердце лихого разведчика. Правда, следовало признать также и тот факт, что все последующие попытки Стихаря продолжить столь приятные отношения наткнулись на вежливый, но твёрдый отказ. «Извини, дорогой, – было сказано раскатавшему губы ростовчанину. – Время от времени мне нужен мужчина, и ты для

этого отлично подходишь, да и вообще классный парень. Но любить фею – себе дороже, уж поверь. Давай радоваться тому, что есть, и не усложнять жизнь себе и другим».

– Ну и голосок у тебя, Нэла, – добродушно произнесли за Валеркиной спиной. – В Москве слышно. А может, и в Дрездене. Хотя где он, тот Дрезден...

Стихарь и Нэла обернулись.

В двух шагах от них, облаченный в полевую пехотную форму вермахта с Железным Крестом 2-го класса и солдатским «Знаком отличия участника пехотных штурмовых атак» на груди, с руками, заложенными за спину, твердо расставив ноги в сияющих сапогах, стоял обер-лейтенант, командир разведвзвода Хельмут Дитц собственной персоной.

– Привет, Нэла, – поздоровался он. – Я тебя всюду ищу, а ты вон где, оказывается.

– Вот, господин обер-лейтенант, – шутливо пожаловался Валерка. – Обратите внимание. Мы думали – это фея, а это натуральная фурия. Налетела на меня ни за что ни про что. Слова сказать не даёт. А что я? Я вообще...

– За фурию ответишь, – пообещала Нэла.

Стихарь вздохнул и полез за сигаретой. Дитц в три шага обогнул скамейку и уселся рядом с Нэлой с другой стороны.

– Ты зря шумишь, – сказал он. – Когда ты должна была вернуться в расположение лагеря?

– Ещё вчера, – немедленно сообщил Валерка. – Как раз ко дню рождения товарища лейтенанта. Ждали её, ждали...

– Подумаешь, опоздала на день, – пожала плечами фея. – Бывает. Дела задержали.

– Если бы они тебя задержали ещё на день, – сказал Дитц, – то ты бы нас уже не застала. И вряд ли потом нашла. Как там вы, русские, говорите по данному поводу? – посмотрел он на Валерку. – Сколько человек одного не ждут?

– Семеро. Семеро одного не ждут.

– Вот. А уж десятеро – тем более.

– Почему десятеро? – удивилась Нэла?

– Считай сама. И маленькую Лизу не забудь. Десять человек и одна фея. Всего одиннадцать.

– Так я с вами? – Стихарию даже показалось, что Нэла немного растерялась, что было совсем на неё не похоже.

– Разумеется, – кивнул Хельмут и улыбнулся. – Мы своих не бросаем. Если ты не против, конечно.

– Да уж не против, – пробормотала Нэла.

– Тогда иди. Даю тебе два часа на сборы. Мы отправляемся, – он посмотрел на часы, – ровно в девятнадцать ноль-ноль.

– Спасибо! – Нэла порывисто и смачно чмокнула Дитца в щёку и вскочила со скамейки. – Всё, я побежала.

– Давай, – сказал Хельмут. – Твоё место будет с нами, в «Гансе». Это я к тому, что мы, немцы, чуть иначе относимся к дисциплине, чем русские. Особенно в разведрейде. Пони-маешь, что я хочу сказать?

– Не волнуйся, обер-лейтенант. Буду паинькой и не под-

веду. Обещаю, – Нэла послала обоим воздушный поцелуй и удалилась танцующим шагом.

Дитц и Стихарь проводили её глазами. Льдисто-голубыми и синими, точно море в августе. Но мечтательное выражение и в тех, и в других было совершенно одинаковое.

– Спасибо, Хельмут, – сказал Валерка, когда Нэла завернула за угол бывшего административного корпуса, – Было бы неправильно оставить нашу фею здесь. Если честно, я о ней не подумал. Хотя должен был.

– Я-то подумал, – ответил Дитц. – И Саша подумал тоже. То есть, мы думали вместе.

– Ага, – констатировал Стихарь. – Раз думали, значит, у вас были сомнения?

– Были. Всё-таки она с нами не с самого начала.

– И мы не знаем, можно ли на неё положиться?

– Что-то в этом роде.

– Но вы всё-таки решили, что стоит рискнуть.

– Да.

– И правильно, – одобрил решение командиров Валерка.

– Я рад, что ты оценил, – хмыкнул Дитц. – А почему ты должен был о ней подумать?

– Потому что она мне нравится, – легко признался ростовчанин. – Как женщина, я имею в виду. Ну и как товарищ тоже, – добавил он, подумав.

– Да, – вздохнул Хельмут. – Хотел бы я видеть мужчину, которому она бы не понравилась. Главное, чтобы с этим у

нас не случилось проблем. С Аней было проще – она сама быстро выбрала Михаила, и все успокоились.

– Хочешь сказать, теперь ваша очередь, немцев? – нахально подмигнул Хельмуту Валерка. – Ну-ну.

– В «Гансе» больше места, – ровным голосом заметил Дитц. – У вас в «Маше» будет Аня с ребёнком. – Он встал со скамейки, поправил ремень и кепку, повернулся к Валерке и неожиданно подмигнул в ответ. – Но ты прав. Очень может быть, что теперь наша очередь.

И удалился, насвистывая какой-то бравый немецкий марш.

Проводить отряд собралось всё племя Леонида Макаровича, около трёхсот с лишним человек – за время пребывания здесь отряда людей в племени изрядно прибавилось. Жать руки, обниматься и целоваться не лезли, – кто очень хотел, сделали это ещё днём (весть о том, что отряд уходит, распространилась по лагерю быстрее, чем боевая тревога), также ещё днём отряд снабдили съестными припасами, как минимум, на месяц вперёд, и теперь люди просто стояли, образуя молчаливый живой полукруг, с одной стороны которого располагались ворота лагеря, а в центре – чудесные вездеходы с Лоны по имени «Ганс» и «Маша» и те, кто с минуты на минуту должен был отправиться в новый путь, чтобы уже никогда сюда не вернуться.

– Не пойму, чего мы ждём? – хмурым шёпотом осведомился Руди Майер у Михаила Малышева. – Пока местные

бабы реветь начнут, что ли? Я, вон, уже вижу, что кое-кто на старте.

Некоторые женщины в толпе и впрямь украдкой вытирали глаза.

– Макарыча, – тихо прогудел в ответ Малышев. – Попросил обождать минутку. Ты в «Гансе» был, пулемёт свой укладывал, не слышал.

– Не люблю я долгих прощаний, – пробормотал пулемётчик, полез, было, в карман за сигаретой, но остановился.

Толпа зашевелилась, расступилась и пропустила к отряду Леонида Макаровича и местного православного священника отца Петра, прижимающего обеими руками к груди какой-то толстый сверток прямоугольной формы.

– Чуть не забыли, – сказал Леонид Макарович. – Хорошо, отец Пётр напомнил.

– О чём? – спросил Велга.

– Отец Пётр, – обратился Леонид Макарович к священнику, – покажите.

Отец Пётр присел аккуратно развернул ткань, и глазам присутствующих явились две иконы в старинных серебряных окладах. На одной была изображена женщина с младенцем на руках, а на другой – всадник, поражающий копьём змея.

– Вот, – сказал отец Пётр, – примите. Пусть Пресвятая Богородица с младенцем Иисусом и святой Георгий Победоносец сохраняют вас на вашем долгом и опасном пути и помо-

гут исполнить то, что вам предначертано. Это старые иконы, намоленные, и в них заключена великая сила Господа нашего. Богородица, я думаю, пусть будет в немецкой машине, а Георгий Победоносец в русской. Хотя не настаиваю. И не думайте о том, что кто-то из вас православный, кто-то лютеранин, протестант или вовсе некрещёный. Все мы дети господни, и Бог всех любит одинаково.

Рыжий Руди Шнайдер открыл было рот, чтобы отпустить по данному случаю весёлую солдатскую шутку, но вовремя посмотрел на серьёзные лица товарищей и решил, что делает это позже. В другой обстановке. Или не сделает вовсе.

Вешняк, Малышев и Аня привычно перекрестились. Чуть подумав, неумело перекрестился и Валерка Стихарь, а Велга посмотрел на Дитца. Обер-лейтенант чуть заметно кивнул головой и прикрыл глаза.

Верно, подумал Александр, надо брать. Места хватит – прикрепим изнутри в жилом отсеке... А не взять – обидим людей ни за что ни про что. Да и кто знает, что нас ждёт впереди. Может, и впрямь помощь святых православных икон не окажется лишней. Я, конечно, человек некрещёный, но...

Неожиданно он вспомнил своего соседа по госпитальной палате – их койки стояли рядом – танкиста Володю, старшего лейтенанта, четырежды горевшего в танке. Как-то зашёл у них разговор о страхе смерти на войне. Были упомянуты бомбёжки, артралёты и миномётные обстрелы, свои и чужие атаки, ночные рейды и вылазки в тыл врага – когда страшнее

всего? И кому страшнее? Защищённой лишь гимнастёркой пехоте или танкистам за бронёй? Среди прочего, Володя тогда сказал:

– Ты знаешь, я коммунист, в Бога не верю, но, когда танк в огне, твой башнёр ранен, верхние люки заклинило и есть лишь три минуты, чтобы покинуть машину, остаётся только молиться, чтобы успеть. – Он подумал и твёрдо добавил. – Только молиться.

– И ты молишься? – поинтересовался тогда Велга.

– Молюсь, – серьёзно признался танкист. – И, как видишь, до сих пор жив.

Оба лейтенанта – немецкий и советский – шагнули вперёд.

– Спасибо, вам, отец Пётр, – сказал Велга, принимая икону Георгия Победоносца, – и вам, Леонид Макарович, спасибо. Спасибо за всё.

Хельмут Дитц взял из рук отца Петра икону Пресвятой Богородицы и неловко поклонился.

Перед внутренним взором возник тёплый ясный день в начале августа 41 года, небольшой украинский городок Коростень и разграбленная солдатами каменная церковь, в которую он зашёл из праздного интереса. Выломанные из дорожных окладов, истоптанные сапогами иконы валялись по всему полу, и пожилой священник, чудом оставшийся в живых, собирал их в стопку и плакал над каждой.

Тогда, помнится, Дитц не испытал особых чувств ни по

отношению к поруганной немецкими солдатами церкви, ни по отношению к старику-священнику. Война есть война. Ни он сам, ни его солдаты эту церковь не грабили. А за весь вермахт отвечать – никакого стыда не хватит.

Но теперь, держа в руках старинную русскую икону Пресвятой Богородицы, полученную из рук православного священника, он чувствовал неловкость пополам с благодарностью.

– Благодарю, – сказал он. – От своего имени и от имени моих солдат. Это большая честь.

– Ну, теперь, кажется, всё, – сказал Леонид Макарович. – На самом деле это мы должны быть вам благодарны до конца наших дней, извините за высокопарность. То есть, я хочу сказать, что мы и благодарны. То, что вы сделали для всех нас, ничем не отдарить. Не думаю, что вы вернётесь. Но если... мало ли что... в общем, знайте, что здесь вас всегда ждут и примут как родных. Прощайте.

Он пожал руки Дитцу и Велге и отступил на шаг назад.

– С Богом, – сказал отец Пётр и перекрестил разом отряд и машины.

– Прощайте, – вскинул правую руку к виску Александр и, повернувшись, скомандовал: – По машинам!

– Für Maschinen! – железным голосом повторил за ним Дитц.

Тяжёлые створки ворот распахнулись, и через минуту лишь пара растоптанных окурков да оседающая пыль на до-

роге напоминали о том, что здесь был отряд.

Верхушка Пирамиды раскрылась бесшумно, как цветок, распавшись на четыре лепестка-сегмента, и звездолёт Клёнья засиял в солнечных лучах всеми оттенками оранжевого.

Наверное, это красиво смотрится сверху, подумала Маша Князь. Если взлететь над Пирамидой метров на триста-четырееста. Четыре, отражающих солнце и небо, треугольных лепестка и оранжевый шар в центре. Впрочем, отсюда тоже ничего.

Она, Женя Аничкин и Оля Ефремова стояли у лифта на самой вершине Пирамиды, в ангаре звездолёта. Пять минут назад Мартин, Никита и Марта помахали им ручкой и скрылись в недрах (или чреве?) Малыша, чтобы совершить тренировочный полёт.

– Покрутимся вокруг Жемчужины и назад, – сказал Мартин. – Погоняем Малыша на разных режимах. Нам нужно привыкнуть к нему, а ему к нам. Часика три-четыре, не больше. Будьте на связи и не волнуйтесь. Волноваться будем, когда махнём на Лекту.

Пошёл третий день с тех пор, как закрылся канал Внезеркалья, по которому ушла на Лекту спасательная экспедиция под руководством Влада Борисова: сам Влад – бывший архивариус и аналитик Приказа российской Стражи Реальностей; прибывший к Пирамиде и ставший уже своим перво-

бытный охотник из местного племени Свем Одиночка плюс десять солдат-киркхуркхов – пятиглазых воинственных пришельцев с планеты Дрхена, расположенной где-то в Большом Магеллановом Облаке, ближайшей к Млечному Пути галактике.

Наличие в экспедиции киркхуркхов, которые до совсем недавнего времени были для людей врагами, стремящимися во что бы то ни стало захватить Пирамиду – чудо древних инопланетных технологий, – больше всего беспокоило командора Мартина Станкевича и остальных. Соглашение соглашением, но мало ли что взбредёт в их пятиглазые головы! Именно поэтому Мартин решил не брать с собой на борт никого из киркхуркхов – пусть сидят на своём острове в океане. До поры до времени. Он и Рийма Тура, бывшего передового дозорного второй отдельной сотни имперских десантников, а ныне, после разгрома и утраты родной планеты, лидера киркхуркхов, в известность о происшедшем не поставил. Всё идёт по плану – и точка. Ждём возвращения медицинско-спасательной экспедиции и дышим ровно, излишние волнения нам ни к чему.

– Ну, и чего они ждут, интересно? – осведомилась Маша.

– Подготовка к старту – дело серьёзное. Требуется... – начал было объяснять Женька Аничкин, но закончить не успел

Звездолёт издал едва слышное низкое гудение, медленно поднялся над полом метров на двадцать, повисел так несколько секунд, словно красуясь, и затем, набирая ско-

рость, устремился в небо.

Провожающие задрали головы.

Вот оранжевый шар уменьшился до размеров волейбольного мяча, теннисного, горошины... прошла ещё секунда, и Клёнья-Малыш окончательно растаял в вышине.

– Поехали! – запоздало крикнул Аничкин.

Внизу, у лифта, их подждал Оскар – человекообразное искусственное существо, вечный хранитель Пирамиды, созданный почти одновременно с ней расой Хозяев.

– Вы будете смеяться, – сообщил он, – но у нас, кажется, опять гости. Только что получена картинка от одной из «летучих мышей».

С тех пор, как четыреста с лишним имперских десантников-киркхуркхов предприняли смелую, но безуспешную попытку штурма Пирамиды, было принято решение пространство вокруг неё радиусом в сотню километров круглосуточно держать под контролем. Особое внимание уделяя северному направлению, где когда-то был расположен прототип Пирамиды, ныне уничтоженный извержением вулкана, и откуда в озеро впадала река Светлая – так, оказывается, именovalo её племя Свема Одиночки, и люди решили не менять названия.

За северным сектором следили более внимательно по очень простой причине. Они и сами когда-то, как и киркхуркхи, воспользовались рекой Светлой, чтобы добраться до Пирамиды от прототипа. С севера на юг. Именно там, в райо-

не бывшего прототипа, располагался ближайший к Пирамиде доступный и безотказно функционирующий вход-выход в каналы Внезеркалья, ведущие в иные миры. Подобных входов-выходов на Жемчужине, как и на Земле и других обитаемых планетах было множество. Но не все они обладали одинаковыми качествами: постоянством действия, пропускной способностью и многоканальностью (некоторые входы-выходы вели только на один или два мира, другие на десяток и больше, а были и такие, как, например, в Пирамиде, через которые можно было попасть на любой из известных обитаемых миров).

– Дайте-ка попробую догадаться, – сказала Маша. – Опять с севера?

– И плывут вниз по Светлой, – добавил Женька.

– Всё верно, – подтвердил Оскар. – Два объекта явно искусственного происхождения. Замечены десять минут назад. Пока еще далеко, но направляются к нам.

– Пошли в кают-компанию, – предложила Оля Ефремова. – Оттуда удобнее наблюдать, чем из машинного зала.

– Узнаю щупача по любви к комфорту, – ухмыльнулся Женька.

– Можно подумать, ты у нас спартанец, каких поискать, – метнула косой взгляд на Аничкина Оля. – И вообще. Не знаю почему, но кофе в кают-компании мне кажется всегда лучше, чем даже в моей квартире. Понимаю, что чистая психология, и тем не менее.

Живая дорожка доставила их в кают-компанию от Центрального лифтового ствола, пронизывающего Пирамиду снизу доверху, за пять минут.

– Вот они, – кивнул Оскар на передаваемую с «летучей мыши» телеметрию в режиме реального времени.

Чёткое ясное изображение висело прямо в воздухе, занимая все пространство торцевой стены, и к этому необычному «монитору» люди давно привыкли.

– Ага, – глубокомысленно изрёк Женька, падая в кресло. – Вижу. Что-то действительно плывёт. В количестве двух штук.

– Циля Марковна, – обратилась Маша Князь к ЦКП, – будьте любезны, дайте увеличение. В два раза. Нет, лучше в три.

Серебристая под лучами солнца лента реки и зелёный покров леса по обоим берегам прыгнули навстречу.

– На катера или лодки не особо похоже, – в голосе Ефремовой прозвучало сомнение.

Два вытянутых трапециевидных тела со скруглёнными углами и неким подобием трапециевидных же башенок в передней части уверенно шли в кильватере вниз по Светлой.

– По рекам не только катера и лодки плавать могут, – заметил Женька. – Мы и вовсе сюда верхом на бревнах добились.

– Каковы их размеры и скорость, Циля Марковна? – спросила Маша.

– Восемь метров в длину, четыре и две десятых шириной в задней части, два и семь десятых в передней, – отработал компьютер знакомым женским голосом. – Скорость – двадцать пять километров в час.

– Здоровые дуры, – сказал Женька. – И плывут быстро, уверенно, точно по фарватеру.

– Значит, – подхватила Маша, – или русло знают, что вряд ли. Или приборы у них хорошие. Локаторы там или эти... как их... сонары.

– То есть, вы думаете, что это машины? – неуверенно осведомилась Оля.

– А что же ещё? – удивился Женька. – Не пойму я твоих сомнений. Разве животные бывают такой правильной формы?

– Сколько угодно, – сказала Оля. – Например, наш звездолёт Клёнья. Чистый приплюснутый сфероид.

– Хм... – почесал в затылке Аничкин. – Ты сейчас как щупач рассуждаешь или что?

– И так, и эдак, – задумчиво произнесла Ефремова, не отрывая глаз от изображения. – Они пока слишком далеко, чтобы я могла их прощупать, но мне и глазами видно, что если это и машины, то очень... необычные.

– Меня больше интересует, откуда они взялись, – сказала Маша. – Циля Марковна, канал на Дрхену по-прежнему закрыт?

– Да, – подтвердил компьютер. – Никаких изменений.

– Значит, это не киркхуркхи.... А на каком сейчас расстоянии от нас эти плавсредства?

– Шестьдесят четыре километра.

– Значит, если скорость не изменится, то примерно через два с половиной часа они будут здесь, – прикинула Маша. – Специально докладывать Мартину не станем. У нас с ними связь, – она глянула на часы, – через двадцать минут. Тогда и сообщим. Пусть спокойно работают. А мы пока подготовимся к встрече гостей. Это, Женечка, в первую очередь относится к тебе. Как там наша железная гвардия, бдит? Готова к труду и обороне?

После нападения киркхуркхов, кроме «летучих мышей» в воздухе, для охраны подступов к Пирамиде было решено задействовать боевых роботов, отлично зарекомендовавших себя в недавнем ночном бою. Часть из них была соответствующим образом перепрограммирована, чтобы не открывали огонь на поражение без приказа по чему бы то ни было, и выпущена патрулировать окружающие озеро леса. Информация, поступающая от роботов, усваивалась и перерабатывалась Цилей Марковной, а та уж, в соответствии со своей программой, должна была решать, что достойно внимания людей и Оскара, а что нет. Точно так же Циля Марковна управляла и «летучими мышами», и то, что именно она сообщила Оскару о появлении на реке двух неопознанных объектов, подтверждало правильность выбранной охранной стратегии.

– Должно быть всё в порядке, – ответил Женька. – Но я

ещё раз проверю.

– Хорошо бы сделать это прямо сейчас, – мягко заметила Маша.

– Да уж не после обеда, – усмехнулся Аничкин и начал уже подниматься с кресла, как вдруг замер, глядя на «монитор». – Эй, что это?!

Но привлечь внимание Маши, Оли и Оскара было незачем, – они тоже увидели. Верхние части трапециевидных башенок отошли назад и вниз, словно автоматически складывающаяся крыша у автомобиля типа «кабриолёт», и взорам обитателей Пирамиды открылось нечто вроде кабин, внутри которых в удобных креслах сидели... люди. По пять человек в каждой кабине. Нет, в одной находилось шестеро – женщина со светло-рыжей копной густых волос держала на руках ребёнка и совершенно спокойно, не обращая внимания на четверых мужчин рядом с ней, облачённых в какую-то знакомую, но полузабытую военную форму, кормила его грудью.

– Зашибись! – воскликнул Валерка Стихарь, подставляя лицо речному ветерку. – Прямо как дома. Эх, бывало, прихватишь летом в субботу девчоночку да пару-тройку пузырей «Пухляковского», сядешь на пароходик и вниз по Дону до Азова! Сидишь себе на верхней палубе нога за ногу, буфет открыт, по радио Лёня Утёсов поёт про сердце, которому не хочется покоя, солнце на донской волне серебром и золотом сверкает, у девчонки в глазах бесенята так и прыга-

ют, а потом, вечером в Азове...

– Отставить воспоминания, рядовой Стихарь, – негромко скомандовал Велга. – Здесь чужой мир. А чужие миры, сам знаешь, внимания к себе требуют. И уважения. Давай-ка без расслабухи.

– Вот так всегда, – вздохнул неугомонный ростовчанин. – С утра был Валерой, а к вечеру – здасьте, пожалуйста! – опять рядовой Стихарь.

– Так мы ж в походе, – наставительно заметил Сергей Вешняк. – Дисциплина нужна.

– Какой ты иногда правильный бываешь, сержант, – сил никаких нет. Ладно, ладно, умолкаю. Умолкаю и бдю.

Валерка задрал голову к небу, некоторое время внимательно наблюдал зенит, затем неопределённо хмыкнул и сказал:

– Гляньте-ка, товарищ лейтенант.

– Куда?

– А вон, в небо, прямо над нами.

Все, даже Михаил Малышев, который сидел за управлением, посмотрели, куда указывал Валерка.

– Видите, словно искорка? – дал ориентировку Стихарь. – Точно в зените. Я её минут десять назад заметил. Думал, птица.

– Это не птица, – сообщил Малышев. – Птицы так под солнцем не блестят.

– Кто ж его знает, какие здесь птицы, – философски за-

метил Вешняк.

– Да, похоже на какой-то летательный аппарат. Но он маленький, лётчик там никак не поместится. Скорее всего, это автоматический разведчик. Робот. – Велга опустил бинокль и связался по радиии с Дитцем: – Хельмут, Велга на связи. Возьми свой цейсовский и глянь в зенит. По-моему, за нами следят.

– Мы уже заметили, – сообщил обер-лейтенант. – Что ты предлагаешь? Сбить его?

– Думаю, не стоит. Враждебности эта штука не проявляет, а мы вроде как знакомиться плывём. Стоит ли начинать знакомство со стрельбы и уничтожения чужого имущества?

Хельмут Дитц, поразмыслив, согласился с Велгой, что не стоит, и отряд продолжил свой путь вниз по реке.

Около трёх часов назад «Ганс» и «Маша» вползли на невысокий холм в подмосковном лесу и остановились перед широкой, поросшей по краям кривоватыми берёзами воронкой.

– Здесь, – сказал Древний Дитцу. – Это самое удобное в округе место для перехода. Я выйду наружу, активирую процесс и направлю вас, куда нужно. Затем туда же отправлю вторую машину.

– Это не совсем машины, – ревниво заметил Курт Шнайдер, который с особым трепетом относился как к «Гансу», так и к «Маше».

– Я знаю, – сказал Древний.

– И что нам делать? – спросил Дитц.

– Когда я выйду, въезжайте в эту воронку и ждите. Как только окажетесь в месте назначения, сдвиньтесь вперед или в сторону, чтобы дать место «Маше». Дальше, как я уже говорил, всё будет зависеть от вас.

– Мы ещё увидимся?

– Очень может быть. Когда и если будет нужно, я вас найду.

– Да уж, – с изрядной долей сарказма заметил Дитц. – В чём-чём, а в этом я несколько не сомневаюсь.

И вот теперь они плыли на своих вездеходах вниз по реке и где-то впереди, по уверениям Древнего, их для начала ожидала встреча с людьми, а затем, как обычно, полная неизвестность.

– Чертовски странно, – сказал Женька. – Мужчины, которые сидят в передней машине, облачены, насколько я могу понять, в немецкую полевую форму времён Второй мировой войны. С ними одна женщина, но на ней что-то вроде маскировочного комбеза. Во второй машине тоже одна женщина, но с грудным ребёнком в придачу. И, опять же, четверо мужчин, но уже в форме бойцов Рабоче-Крестьянской Красной Армии. Времён всё той же Второй мировой. Или, если угодно, Великой Отечественной. И оружие при них, между прочим, тоже из тех времён. Немецкие MP-39, наши ППШа и один пулемёт МГ-42. Немецкий. Ничего не понимаю. От-

куда они взялись, и кто это вообще? Может, всё-таки сообщить Мартину?

– Если мы здесь ничего понять не можем, то уж Мартин на орбите тем более, – Маша, склонив голову на бок, внимательно смотрела на «монитор». – Первое, что приходит в голову – это военные реконструкторы. Ролевики. Ну, знаете, которые... – Маша сделала рукой неопределённый жест.

– Знаем, – сказал Женька. – У меня есть пара знакомых, повёрнутых на этом деле.

Ольга молча кивнула головой, подтверждая, что ей тоже известно, кто такие военные реконструкторы.

– Но эти на них не похожи, – продолжил Аничкин. – Держутся иначе.

– Да, эти люди очень в себе уверены, – подтвердила Оля. – Опять же, машины у них... – она покачала головой. – Я, конечно, не специалист, но ничего подобного раньше не видела. Оскар, а вы что думаете? Откуда они?

– Пока ясно только одно, – сказал Оскар. – Появление здесь этих людей – не наша инициатива. И понятно, что попали они сюда через тот же вход-выход, что вы и киркхуркхи. Данные Цили Марковны это подтверждают. Кто-то сумел активизировать соответствующий канал.

– Кажется, Оскар, вы говорили, что вероятность этого исчезающе мала, – напомнил Женька недовольным голосом. – Тем не менее, мы в короткий срок получили сначала серьёзные проблемы с нашими пятиглазыми друзьями, а теперь, –

он кивнул на «монитор», — снова имеем неожиданных гостей.

— Я сам удивлён, — ответил хранитель Пирамиды. — Раньше такого практически не случалось, и доступ на планету по каналам Внезеркалья контролировался весьма надёжно. Но ни сама Пирамида, ни Циля Марковна функционировать хуже не стали. Похоже, что-то изменилось в самой структуре каналов. Кроме всего прочего, если вы помните, я говорил, что структура эта не до конца изучена. По-моему, её вообще невозможно досконально изучить.

— Как и всякое достаточно сложное природное явление, — вздохнула Маша. — Так что будем делать?

— Давай, я сгоняю к ним на нашем «летающем танке», — предложил Женька. — Остановлю, узнаю, кто такие и откуда...

— Ключевое слово «остановлю», — сказала Маша. — Нет, Жень, давай не будем никого останавливать. Пусть сами остановятся.

— Как? — не понял Женька.

— Очень просто. Хлеб да соль. Это же люди, верно? Значит, и отнестись к ним следует по-человечески. А там поглядим.

Приподнявшись на локте, Влад несколько секунд разглядывал свою одежду, аккуратно сложенную на деревянном табурете и придавленную сверху тяжёлым – так, чтобы легко можно было дотянуться – деструктором. Потом опустил глаза ниже и обнаружил стоящий на полу рядом с лежанкой глиняный кувшин с водой.

Нет, ну какой же я, всё-таки молодец. Вот что значит опыт...

Он ухватил кувшин за прохладное шероховатое горло, поднёс ко рту и напился. Вода была колодезной, вкусной и, казалось, не только утолила жажду, но и промыла ещё одурманенные сном и вчерашним пиром мозги. Теперь можно было вставать.

Влад сел на постели, потянулся к табурету, и тут же на полу у дверей зашевелился и приподнял голову Свем Одиночка, а дежурный киркхуркх, развалившийся за столом, приветственно помахал Владу семипалой рукой и даже, кажется, изобразил на лице...

Господи, прости меня, грешного, какие же они всё-таки уродливые. Интересно, я когда-нибудь привыкну или так и буду внутренне содрогаться каждый раз, глядя на эти пятиглазые рожи?

... нечто вроде улыбки.

На ночлег им всем отвели довольно просторную горницу с широкими – вдоль стен – лавками, которые легко можно было использовать в качестве лежанок, и мощным столом посередине. На эти лавки, предварительно застеленные мягкими стёганными одеялами, все и улеглись. Все, кроме Свема. Первобытный охотник заявил, что устроится на полу возле дверей.

– Если кто ночью попытается войти или даже только подойдёт к дверям, я услышу и проснусь, – пообещал он.

– Очень хорошо, – согласился Млайн. – Но мы всё-таки тоже подежурим. Кроме дверей, здесь есть и окна. Хотя и узкие, и мы на третьем этаже, но бдительность лишней не бывает.

Ночь, впрочем, прошла спокойно, что лишний раз подтвердило добрые намерения хозяев по отношению к своим гостям и спасителям.

– Доброе утро! – поздоровался Влад со Свемом и дежурным киркхуркхом. – Встаём. Труби «подъём», солдат. Пора собираться в обратный путь.

Князь Дравен Твёрдый проводил спасательную экспедицию и троих добровольцев-брашенцев, заботливо уложенных в некое подобие телеги (двух женщин и одного мужчину, заболевших два дня назад), до самых городских ворот.

– Дальше сами, – сказал он, прощаясь. – Мои дружинники, – князь кивнул на семерых вооружённых конников, – вас проводят. Значит, когда вас ждать обратно?

– Завтра, – сказал Влад. – В крайнем случае, послезавтра. Мы постараемся сделать всё, как можно быстрее. А вы следите за небом. И будьте начеку.

– Мы всегда начеку, – заверил князь. – Эх, жаль, мало айредов осталось, способных держать оружие. Бабы, ясное дело, ещё нарожают. Но когда это будет... Воина ещё вырастить надо и обучить.

– Послушайте, князь, – промолвил командир отделения киркхуркхов Млайн, – и ты, Влад, тоже. У меня есть предложение.

– Я слушаю, – наклонил голову Дравен.

– Давай, – сказал Влад. – Только коротко, по-солдатски. – Он тревожно покосился на телегу с больными, – Время дорого.

– Насчёт этих самых «термитов». Что будет, если мы сейчас уйдём, а они снарядят карательную экспедицию уже сегодня? Понятно, что мыслят эти насекомые иначе, чем мы, но законы войны всюду одинаковы. Будь я, например, на месте их главнокомандующего – или кто там у них играет эту роль – то обязательно бы послал карательный отряд.

– Если бы у тебя был для этого соответствующий резерв, – изрёк Влад.

– Об их резервах нам ничего не известно, – сказал Млайн. – нам вообще о них ничего неизвестно. Но...

– Надейся на лучшее, готовься к худшему, – закончил за киркхуркха князь Дравен. – Всё правильно. Если сегодня

опять нагрянут эти твари, пусть даже и в том же количестве, что и вчера, я не уверен, что мы отобьёмся. Одна надежда, что этого не случится. Лучше вообще никогда.

– Это вряд ли, – сказал Влад.

– И я о том же, – продолжил Млайн. – Вот и предлагаю. Мы прыгаем к нам, там берём плазменные ружья, и всё моё отделение вместе со мной возвращается сюда, для защиты Брашена. А то ведь этими игрушками, – он хлопнул ладонью по висящему на груди парализатору, – много не навоюешь. К тому же и заряда в них осталась половина в лучшем случае. Вон индикатор жёлтым уже светится.

Влад представил себе, что могут учинить в средневековом городе десять вооруженных плазменным оружием солдат-киркхуркхов, и ему стало неудобно. А ну как brave имперские десантники возьмут князя Дравена и всех оставшихся в детинце рашей в заложники и потребуют перебросить остальных их товарищей сюда, на Лекту? Теоретически возможно, ответил он сам себе, но практически – вряд ли. На хрен им сдался этот средневековый отсталый мир, откуда уж точно никогда не вернуться на родину? Да ещё в придачу и атакованный какими-то непонятными и крайне агрессивными «термитами». Н-да, опять вопрос доверия. И на вопрос этот надо отвечать быстро. Да ещё и таким образом, чтобы Дравен не догадался о наших с киркхуркхами... э-э... разногласиях. Незачем ему об этом знать. Чёрт, как бы подипломатичнее...

– Мы бы только спасибо сказали, – пришёл на помощь Владу князь Дравен. – С вашим оружием точно отобьемся.

– Ага, – сказал Влад. – Если, конечно, у «термитов» своё какое-нибудь похожее оружие не припасено. Первый-то раз они полезли, будучи уверены, что Брашен для них лёгкая добыча... Но не будем пессимистами. Что, – обратился он к Млайну, – всё отделение готово рискнуть жизнью?

– Да, – ответил киркхуркх. – Почему бы и нет? В конце концов, рисковать жизнью – наша профессия. Опять же, это лучше, чем... – Он замолчал, не договорив, но Влад прекрасно его понял. Действительно, для военного профессионала лучше опасное дело, чем скучное и бессмысленное прозябание на далёком острове в океане, куда переправили киркхуркхов после того, как они попытались силой захватить Пирамиду. Тех, кто остался в живых. А если ещё это дело и повышает твой статус в глазах бывших врагов, а ныне потенциальных союзников, то и вовсе сама Небесная Глубь велела им заняться.

– Что ж, – сказал Влад, – если князь Дравен не против, то и я тоже. А детали, – он внимательно посмотрел на Млайна, – обсудим позже.

Путь до места перехода обошелся без приключений. По дороге Борисов побеседовал с десятником княжеских дружинников, обстоятельным дядькой на вид лет сорока с лишним. Выяснилось, что там и вправду расположено древнее и заброшенное языческое капище.

– Без особой нужды туда стараются не соваться, – объяснил десятник.

– Чего так?

– Говорят, люди там пропадали без следа. И не раз. Я-то раньше думал, сказки. А теперь, вишь ты, и правда выходит, что место непростое.

– Ничего, – заверил дружинника Влад. – С нами не страшно.

– Да нам и без вас не страшно, – усмехнулся тот в густые, с проседью, усы. – Князь приказал проводить, значит, проводим. Хоть туда, хоть к чёрту в зубы.

О как, подумал Влад. Уважает Дравена, однако, дружина. А может даже и любит. Это хорошо.

Но переход домой, в Пирамиду, осуществить не удалось. Напрасно Влад раз за разом активировал браслет-переходник – канал, он же тоннель Внезеркалья, не открывался.

– Вот дерьмо, – совсем по-человечески констатировал Млайн. – Застряли?

– Кажется, да, – кивнул Влад. – Канал закрылся.

– И почему?

– Что б я знал. Может быть, потому, что дела здесь, на Лекте, гораздо хуже, чем мы думали.

– То есть? – не понял Млайн.

– Я сужу по аналогии с каналом на вашу планету, Дрхену. Туда ведь он тоже захлопнулся, верно?

– Верно.

– А в какой момент, знаешь?

– Догадываюсь. Когда началась ядерная война.

– Не просто война, а полная ядерная катастрофа. Планета стала слишком опасна для всего живого, и вход-выход туда закрылся. Своего рода карантин. Во избежание.

– Ты думаешь, здесь то же самое? – решил не остаться в стороне от обсуждения проблемы Свем.

– Могу только предполагать. Ни нам, ни даже Оскару неизвестен механизм работы каналов Внezerкалья. Иначе, мы сумели бы их закрывать и открывать по собственному желанию. Особенно открывать, когда надо.

– Ясно. – Млайн потерял пучки ушных вибрисс, что служило у киркхуркхов жестом озадаченности, задумчивости и некоторой растерянности одновременно. – И что нам теперь делать?

– Возвращаться в Брашен, – вздохнул Влад. – Хреново, конечно, но теперь нам остаётся только одно – ждать звездолёта.

– Звездолёта? – удивился Млайн. – В Пирамиде есть звездолёт?

– Есть. Знать вам об этом было не обязательно, но теперь... Подобный сценарий был обговорен с нашим командором Мартином. В случае отказа канала Внezerкалья за нами прилетят. Лекта от Жемчужины находится по галактическим мерам не очень далеко, и ждать нам придется не больше пяти-семи дней. Так что переживать не надо, всё обой-

дётся.

– Мы и не переживаем, – сказал Млайн. – Звездолёт так звездолёт. Лично меня уже трудно чем-нибудь удивить.

– А что будет с больными? – Свем Одиночка показал глазами на трёх брашенцев, укутанных в одеяла и лежащих без сознания посреди древнего алтаря. – Они пять дней наверняка не проживут. Да и остальные заболевшие тоже.

– Попробуем дать им те лекарства, что мы захватили с собой, – сказал Влад. – Это, конечно, риск, мы не знаем, как на них отреагируют организмы айредов, но деваться некуда. Если этого не сделать, они точно умрут. А так есть шанс. Всех же остальных, кто еще не прошёл через прививки этого молодого лекаря... как его... Йовена? Да, Йовена. Надо уговорить привиться. Но я думаю, что и уговаривать особо не придётся. Те, кого он привил первыми, уже почти все выздоравливают.

Возвращение людей и криркхуркхов в Брашен князь Дравен воспринял хоть и с удивлением, но без особых эмоций.

– Лично я в этом вижу Божий промысел, – заявил он, усадив гостей в той же палате, где встречал их вчера и крикнув вина, кваса и закуски. – Не надо Богу, значит, чтобы вы сейчас Брашен покидали. Даже на один или два дня. А мои люди уже обрадовались, что вы остаётесь. Некоторые, правда, сильно подозревают, что большинство из вас, – он с усмешкой покосился на Млайна, – демонской природы. Но и те уверены, что рашам сейчас любая помощь сгодится – и Божья,

и, прости, Господи, – князь торопливо очертил перед лицом круг, – которая иной природы.

– На Бога надейся, а сам не плошай – так у нас говорят, – сказал Борисов. – Что же касается демонской природы наших друзей киркхуркхов, то с вашего позволения, князь я бы всё-таки провёл среди айредов разъяснительную работу. Если хотите, мы можем сделать это сами. И желательно в ближайшее время. Знаете, как оно бывает... Сегодня ты принимаешь помощь от демонов, а завтра, когда беда минует, уже только и думаешь, как бы побыстрее от них избавиться. Вплоть до физического уничтожения. Демоны они есть демоны. Нет им веры.

– Не беспокойтесь, – махнул рукой князь. – Вы все под моей защитой. Но объяснить лишний раз брашенцам истинное положение дел не мешает, здесь вы правы. Сегодня же и займёмся. Кстати, не сочтите за невежливость, но, если путь, по которому вы сюда попали, закрылся, то каким образом вы собираетесь вернуться обратно?

Влад объяснил, чем поверг князя в глубокую задумчивость.

– Что-то не так? – спросил он. – Спрашивайте, если не понятно.

– Всё понятно, – сказал Дравен. – За вами прилетит этот ваш корабль. Зве-здо-лёт. – Он с видимым удовольствием тщательно выговорил незнакомое слово. – Не очень представляю, конечно, как он умудряется летать между звёздами,

но примем этот, как должное – летает, и дело с концом. Меня другое беспокоит.

– Что же именно?

– Смотрите. – Дравен оглядел стол и, ухватив широкую тарелку с сыром, пододвинул её к себе. Затем расставил вокруг тарелки несколько глиняных чашек, предназначенных для кваса. Влад, Свем, Млайн и остальные киркхуркхи с молчаливым интересом наблюдали за его манипуляциями. – Допустим, что это, – Дравен ткнул пальцем в тарелку, – наша Лекта. Чашки вокруг – корабли «термитов», которые, как вы сами говорили, вполне вероятно крутятся вокруг планеты и сбрасывают вражеский десант на крупные города. Возможно также, и об этом вы тоже упоминали, что их гораздо больше и летают они сюда с нашей Вульны, спутника Лекты. Которая тоже планета, но воздуха на ней нет. «Термиты» там обосновались для начала. Так?

– Э... – Влад потёр в задумчивости подбородок. – Очень может быть, что – да, так и есть. Хотя это только предположение. Точного знания ситуации у нас нет.

– Точного знания ситуации никогда нет, – отрезал князь. – Тем не менее, у данного предположения есть все шансы оказаться верным. Я прав?

– Согласен, – кивнул Влад, всё ещё не понимая, к чему клонит Дравен Твёрдый.

– Теперь рядом с Лектой появляется ваш ваш звездолёт. – Он взял солонку и придвинул её к тарелке. – Один-

одинёшенек. А этих, — князь провёл рукой над чашками, — много. И они — враги. Как вы думаете, что может произойти? — Дравен откинулся на спинку кресла и окинул внимательным взглядом людей и киркхуркхов.

За столом воцарилось напряжённое молчание.

Чёрт побери.

Влад машинально полез в нагрудный карман за сигаретами, опомнился, взял чашку с квасом и сделал пару глотков.

Хороший квасок, однако. А князь-то наш, Дравен Твёрдый, настоящий стратег. Мгновенно просёк опасность. Действительно, как же я сразу не подумал. Там, на орбите вокруг Лекты, может сейчас крутиться вражеский космический флот. И тут — нате вам подарочек! — откуда не возьмись чужой звездолёт. С ребятами и девушками на борту. Которые ни сном, ни духом... Есть на нашем звездолёте оружие? Кажется, что-то есть, Оскар говорил. Не о том думаю. Только космических батальй с превосходящими силами противника нам сейчас не хватало. Врагу не сдаётся наш гордый «Варяг», мать его... Одна надежда, что Мартин не дурак и понимает, что соваться к незнакомой планете без предварительной разведки... Опять не то. Почему к незнакомой? Ему-то как раз прекрасно известно, на какой стадии развития находятся айреды. Суйся — не хочу. Никто ничего не заметит. Вот и сунется. К тому же никто из нас до сего времени настоящего звездолёта в глаза не видел, а уж рассекал на нём по галактике и вовсе лишь в далёких мальчишеских мечтах. Сунется

он, значит, нам на помощь. А тут... Ох, мама дорогая. Нет, ну каков, Дравен а? Он же о самой возможности космических путешествий только вчера узнал и – на тебе: тарелка – Лекта, чашки – вражеский космофлот, солонка – наш звездолёт с Жемчужины. Чапаев, едрить твою. «Где должен быть командир? Впереди, на лихом коне». М-да. Прирождённый военный талант. В отличие от меня. Да и того же Млайна. Даром что командир отделения. Что же делать...

Но додумать мысль и ответить князю ни Влад, ни остальные не успели. Двери распахнули и в залу вбежал молодой дружинник.

– Тревога, Вершинный князь! – крикнул он и умолк, опустившись на одно колено.

– Кто таков и что случилось? – Дравен, хмурясь, поднялся с кресла. – Говори, позволяю.

– Дружинник Елья. Северный дозор. Четыре часа назад за Рваным оврагом с неба спустились пять «яиц». Точно таких же, как и вчера. Там этих тварей... не сосчитать. Двигутся сюда. Медленно. Вперёд высылают разведчиков. Двоих мы убили, но сколько их на самом деле... – Дружинник сокрушенно покачал головой. – Дозор отступает к Брашену, иначе – сметут. А мне было велено доложить как можно скорее. Чуть коня не загнал.

Так, подумал Влад. Хреново. Пришла беда, откуда не ждали. Канал Внезеркалья закрыт, Лекта, скорее всего, блокирована невесть откуда взявшимися «насекомыми», способ-

ными передвигаться в космическом пространстве на космических же кораблях, но при этом, заметьте, вооруженными лишь собственными жвалами. Странно это всё, но ладно. На помощь можно рассчитывать не раньше, чем через пять земных суток. И то при условии, что Мартин сотоварищи не попадёт в засаду и не будет пленён или уничтожен. А главное очень-очень быстро научиться пользоваться этим самым звездолётом. В чём есть сомнения. Даже при наличии Оскара и общем... как бы это сказать... удобстве пользования техникой Пирамиды. При этом предупредить друзей и коллег об опасности нет ни малейшей возможности. Вот же блин поминальный. Надо было предусмотреть возможность связи на подобный случай. Если в Пирамиде есть звездолёт, способный в короткие сроки преодолевать галактические расстояния, то очень может быть, что имеется и какое-то средство связи, для которого эти же расстояния – пустяк. Какой-нибудь сверхлуч, инфотелепорт, гиперрация... не знаю. З-зараза, и никто – никто! – об этом не подумал. Что значит сила привычки. Привыкли, что со стражниками, работающими в альтернативках, нет и не может быть связи, вот и прошляпили. А туда же, профессионалами себя считаем. Детсад, мля. Гнать нас поганой метлой из Пирамиды. Только некому. И Оскар не подсказал. То ли сам не знает, то ли решил инициативу не проявлять, то ли, как и мы, не подумал. Мудрец хренов. Миллион лет существует, а ума не нажил. Отставить. Оскар здесь совершенно ни при чём. Он хранитель Пира-

миды, а не нянька. Ты бы ещё Локотка в нерадивости обвинил. Себя по башке настучи, аналитик. Эх, знать бы, где упадёшь, соломки б подстелил. Но что же делать? В парализаторах остался половинный заряд. В деструкторе чуть больше плюс запасная батарея. Патронов и вовсе почти нет. Если это и не полный п...ц, то что-то весьма к нему близкое.

Влад достал сигарету и, наплевав на этикет и прочие условности, закурил. Рука с зажигалкой ощутимо подрагивала.

– Мать моя женщина! – присвистнул Валерка Стихарь и сдвинул пилотку на затылок. – Вы только посмотрите на это!

Его призыв остался без внимания. Все и сами увидели. Да и трудно было ЭТО не увидеть.

Они только что прошли поворот, дальше русло реки заметно расширялось и шло относительно прямо, а лес, до этого стеной нависавший над правым берегом, ближе к которому и проходил фарватер, отступал на сотню с лишним метров, открывая таким образом весьма обширное пространство для обзора. И там, в этом пространстве, за кромкой леса, чуть правее видимого направления русла реки, старалась и, кажется, всё-таки дотягивалась до небес гигантских, невероятных размеров, отполированная до зеркальной глади пирамида.

Нет, не так – Пирамида. С заглавной буквы.

В одну из её видимых отсюда граней гляделось небо и редкие облака, в другой ослепительно сияло отражённое жаркое солнце.

– Да, – сказал Майер, – мимо такой цели трудно промахнуться.

– Как это? – не понял Шнайдер.

Вездеходы «Маша» и «Ганс» стояли в фарватере борт о борт, кабины были открыты, и тихий плеск речной волны

не мешал людям разговаривать. Даже наоборот. На воде, как известно, звуки разносятся дальше и звучат громче.

– Ну так ведь Древний говорил, кажется, что, мол, сами увидите, куда вам надо, – пояснил Руди. – Вот мы и видим. Правильно говорил – мимо этого... сооружения захочешь – не проплывёшь.

– А нам точно туда? – подумал вслух Карл Хейниц.

– Я бы удивился, если бы оказалось, что нет, – отозвался Майер. – Ох, чувствую, готовится нам судьба подложить очередную весёлую и толстую свинью. Аж руки потирает в предвкушении.

– Кажется, мы сами были не против, а? – ухмыльнулся Стихарь. – Что же до толстой и весёлой свиньи, то это хорошо. С такой не заскучаешь.

– Сколько до объекта? – спросил Велга Малышева и,глянув на приборы, сам себе ответил. – Ага. Почти двадцать километров. Это по прямой. Значит, с учётом изгибов русла может быть и все тридцать.

– Час-полтора хода, – подтвердил Михаил. – Можно, конечно, и быстрее.

– Быстрее не стоит, – подал голос Дитц с борта «Ганса». – Движемся в том же темпе. Торопиться нам некуда. И вот что. Предлагаю всё-таки закрыть кабины. Так, на всякий случай.

Река закончилась ровно через час и десять минут. Впереди блеснула широкая водная гладь с тонюсенькой, едва заметной полоской другого берега, и стало понятно, что это,

скорее всего, озеро, куда река и впадает. Данное предположение немедленно и высказал Валерка Стихарь, который по природе своей не мог молчать, если была для этого хоть малейшая возможность.

– Может, и озеро, – ответил Малышев и, покосившись на сидящего рядом Велгу, добавил. – А может, и другая река. Подплывём ближе, станет ясно.

– Ты с кедра рухнул, тайга? – поинтересовался Валерка. – Какая река? Другой берег едва видать.

– Ясное дело, – хмыкнул Михаил. – Твой Дон переплунуть можно в тихую погоду, вот ты и не знаешь, что такое настоящая река. Тот же Амур, к примеру.

– Дон, конечно, не сильно широк, спорить не стану, – сказал Валерка. – Хотя мог бы. Но ты подумай вот о чём. Пирамида. По-твоему, такую дуру на реке стали бы возводить? Да ни в жизнь. Глупо это и неудобно. Другое дело на озере. На острове, к примеру.

– Да ладно, ладно, – добродушно ответил Малышев. – Не гоношись. Озеро так озеро, согласен. Я только к тому, что реки тоже бывают ого-го какие. Взять тот же Амур...

– Вообще-то, – сказал Велга. – Это вполне может оказаться и морской залив.

– Или даже океанский, – добавила Аня со смешком.

– Нет, – помотал головой Стихарь. – Я бы море или океан учуял. Пресной водой пахнет, не морской.

– Так кабина же закрыта, – решил поучаствовать в разго-

воре Сергей Вешняк. – Как бы ты учуял?

– Я бы его еще час назад учуял, – не сдавался ростовчанин. – Или даже два. Когда мы ещё с открытыми кабинами шли.

Это и впрямь оказалось озеро.

И там, на берегу, их ждали.

В этом не было никаких сомнений – парень и девушка сидели недалеко от кромки воды прямо на песке в спокойных и даже, как показалось Велге, несколько расслабленных позах. Позади них полукругом выстроились четыре чудища, сработанные из металла и пластика и явно предназначенные для устрашения и уничтожения как потенциального, так и реального противника. Если бы у лейтенанта спросили, откуда ему это известно, он вряд ли сразу и однозначно сумел бы ответить на данный вопрос. А, чуть подумав, сказал бы, что профессиональному военному часто и не нужно *знать*. Достаточно взглянуть на незнакомую технику, чтобы понять, боевая она или нет. Тем более, что в данном случае им всем было с чем сравнивать – с человекообразными в той или иной степени роботами отряд уже встречался. При разных обстоятельствах.

Как только «Ганс» и «Маша», изрядно сбавив ход, оказались на траверзе этой живописной группы, девушка и парень, не поднимаясь с песка, одновременно помахали вездеходам руками, недвусмысленно приглашая причалить к берегу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.